http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ГЕОРГІЙ ГЕРОВСКІЙ.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

ВЪ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКО-РУССКОЙ ГРАММАТИКѢ МИХАИЛА ПОПА-ЛУЧКАЯ.

УЖГОРОДЪ, 1930.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ»

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ГЕОРГІЙ ГЕРОВСКІЙ.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ

ВЪ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКО-РУССКОЙ ГРАММАТИКѢ МИХАИЛА ПОПА-ЛУЧКАЯ.

УЖГОРОДЪ, 1930.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ».

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Отдѣльный оттискъ изъ «Карпаторусскаго Сборника» 1930 г.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Русскій языкъ въ церковно-славянско-русской грамматикѣ Михаила Попа-Лучкая.

(Къ 100-лѣтію ея выхода въ свѣтъ.)

Грамматика Михаила Попа-Лучкая[1]) есть, какъ это до сихъ поръ принято было считать, точное отраженіе „Institutiones" Іосифа Добровскаго или, вѣрнѣе, извлеченіе изъ этой знаменитой книги[2]). Подтвержденіемъ такого опредѣленія должно служить не только содержаніе грамматики, изложеніе и распредѣленіе въ ней церковно-славянскаго языкового матеріала, но и собственное признаніе автора въ „эпилогѣ" о томъ, что въ славянскомъ языкѣ его руководителемъ былъ Добровскій, слѣдованіе которому онъ считаетъ для себя похвалой („ex praedeductis facile observabit benevolus Lector, in Slavica Ductorem meum fuisse Dobrowskyum, quem sequi gloriae mihi duco", 176); притомъ самая причина, почему онъ рѣшился выпустить въ свѣтъ свою грамматику, указана авторомъ въ томъ смыслѣ, что „Мразовичъ, изъ-за нѣкоторыхъ ошибокъ, къ пользованію учащихся неудобенъ, Добровскій же весьма распространенъ и для болѣе бѣдныхъ слишкомъ дорогъ" (XVI). Ясно, что, если-бы грамматика Михаила Попа-Лучкая не давала ничего больше, какъ только то, что̀ означено на основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ, то послѣ 100 лѣтъ, истекшихъ со времени ея появленія, она едва-ли могла-бы привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей.

Однако, нужно сказать, что, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ произведеніемъ Михаила Попа-Лучкая, собственный его отзывъ о своемъ трудѣ оказывается, въ значительной степени, продиктованнымъ авторской скромностью, упомянутое же опредѣленіе галицкихъ писателей имѣетъ въ виду только церковно-славянскую часть грамматики. Ибо, если въ главномъ его грамматика дѣйствительно основана на Добровскомъ, то все-же онъ внесъ въ нее столько иного и новаго, что признавать ее только извлеченіемъ изъ „Institutiones" было бы глубоко несправедливо. Въ дѣйствительности Михаилъ Попъ-Лучкай воспользовался назван-

---

[1]) Полное ея заглавіе: Grammatica Slavo-Ruthena: seu Vetero-Slavicae, et actu in montibus Carpathicis Parvo-Russicae, seu dialecti vigentis linguae. Budae, 1830.

[2]) Въ послѣднее время въ этомъ смыслѣ писалъ Ив. Брикъ, Йосиф Добровський і українські граматики, Сб. Josef Dobrovský, 33. Ср. его-же, Йосиф Добровський і українознавство, Юб. Сб. Тов. Шевч., 1925, 31; О. Маковей, Три галицькі граматики, Зап. Тов. Шевч., 1903, LI, 24. Противоположное мнѣніе высказываетъ В. А. Погорѣловъ, Михаилъ Лучкай и его Grammatica Slavo-Ruthena, Ужгородъ, 1930, 3 сл., 10.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

нымъ сочиненіемъ какъ-бы готовой канвой, которая послужила ему для того, чтобы по ней вывести новые узоры, дотолѣ не виданные. Слѣдуя системѣ и способу Добровскаго въ изложеніи и распредѣленіи ц.-слав. языкового матеріала (къ которому и самъ Добровскій прибавляетъ, какъ извѣстно, попутное сравнительное разсмотрѣніе отступленій новыхъ славянскихъ языковъ, въ томъ числѣ и русскаго), онъ соединяетъ церк.-слав. грамматику съ параллельнымъ изложеніемъ особенностей неизвѣстнаго до тѣхъ поръ въ наукѣ нарѣчія, опредѣляемаго названіемъ „dialectus Ruthenica aut Карпато-рꙋскаѧ“ (VIII). Самъ авторъ хорошо сознаетъ новизну своего предпріятія, на что указываютъ собственныя его слова въ предисловіи: „въ то время, когда всѣ науки движутся впередъ исполинскими шагами, и грамматическое искусство охвачено подобнымъ же движеніемъ, такъ что теперь едва-ли существуетъ нарѣчіе, лишенное грамматики“ (V); „одно только нарѣчіе осталось безъ грамматики и, можетъ быть, безъ искаженія, а именно: dialectus Ruthenica aut Карпато-рꙋскаѧ“ (VIII). Къ этому онъ прибавляетъ еще, что и сама его родина, Южно-Карпатская Русь, „Carpatho-Russia“, оставаясь неизвѣстной, заслужила себѣ у писателей названіе „невѣдомой земли“ („insuper Carpatho-Russia per scriptores... terra incognita adpellaretur“, IX).

Такимъ способомъ, дѣйствительная причина, заставившая автора приступить къ составленію и изданію церковно-славянско-русской грамматики, была двоякая. Съ одной стороны, онъ имѣлъ въ виду дать въ руки учащихся въ Ужгородскомъ уніатскомъ богословскомъ училищѣ сокращенный и доступный по цѣнѣ учебникъ, способный поддержать среди нихъ знаніе „старо-славянскаго“ языка, особенно процвѣтавшаго тамъ при уніатскомъ епископѣ Андреѣ Бачинскомъ (1772—1809 г.), когда „клиръ, черезъ слушаніе до 1809 г. богословскихъ преподаваній на славянскомъ языкѣ, достигъ удивительной легкости и изящества стиля“ (X). Съ другой стороны, авторъ ставилъ себѣ научную задачу, заключавшуюся въ томъ, чтобы въ первый разъ представить мѣстное нарѣчіе Южно-Карпатской Руси въ грамматической обработкѣ, въ его отличіяхъ отъ „матери славянскихъ языковъ“, „старославянской“ рѣчи (XVI), и тѣмъ ввести его въ кругъ грамматическихъ изученій.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Михаилъ Попъ-Лучкай чувствуетъ полную самостоятельность своего предпріятія. Если въ церк.-славянской грамматикѣ онъ признаетъ свою зависимость отъ Добровскаго, то здѣсь, въ грамматической передачѣ своего родного нарѣчія, онъ не имѣетъ ни образца, ни предшественника; здѣсь ему служитъ руководствомъ собственное сознаніе и непосредственное знакомство съ родной русской рѣчью („in Ruthenica proprium meum sensum et scientiam pro fundamento servivisse“, 176). Для этого не было даже такихъ необходимыхъ для подобнаго труда источниковъ, какъ литературныя произведенія на родномъ языкѣ. По сему поводу автору приходится установить печальную истину о полномъ отсутствіи въ Южно-Карпатской Руси какихъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

бы то ни было сочиненій, кромѣ катихизиса: „sed magis dolendum praeter catechesim nulla existere alia opera in hac lingva scripta“ (IX). Такой плачевный застой въ литературномъ развитіи Южно-Карпатской Руси совпадаетъ, по опредѣленію Попа-Лучкая, съ промежуткомъ между изданіемъ двухъ уніатскихъ катихизисовъ, изъ которыхъ первый относится къ самому началу утвержденія уніи въ Южно-Карпатской Руси (въ концѣ XVII в.), второй-же ко времени уже при жизни Лучкая: „упомянутый катихизисъ появился впервые при епископѣ Де-Камелисѣ, въ 1692—1707 гг., второе изданіе его при Бизанціи, который начальствовалъ въ 1717 г., третье при Ольшавскомъ, всѣ въ Тернавѣ; подобно же съ 1801-го по 1815 годъ уже трижды переизданъ, въ типографіи университета, катихизисъ, составленный каноникомъ Куткой“ (X). Тѣмъ болѣе авторъ грамматики долженъ былъ чувствовать новизну своего начинанія, шаткость котораго увеличивалась полнымъ отсутствіемъ источниковъ, кромѣ собственнаго непосредственнаго знакомства съ роднымъ говоромъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, онъ предвидитъ возможность неточностей, упущеній и ошибокъ, указывая вполнѣ справедливо, что „ни одна еще грамматика какого бы то ни было языка не была тотчасъ-же на первыхъ порахъ совершенна“ (176).

Значеніе своего изложенія грамматическихъ формъ южно-карпатскаго русскаго нарѣчія Михаилъ Попъ-Лучкай опредѣляетъ такъ: онъ убѣжденъ, что это нарѣчіе, отличаясь отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, ближе всего подходитъ къ „старославянскому“ языку (IX); сравненіе формъ южно-карпатскаго русскаго нарѣчія со „старо-славянскимъ“ языкомъ должно способствовать рѣшенію вопроса о томъ, „хорватскій ли языкъ (Croatica) или южно-карпатскій русскій (Ruthenica) наиболѣе похожъ на языкъ библейскій“, ибо недавно въ „Сынѣ Отечества“, за 1828 г., за библейскій языкъ былъ принятъ языкъ хорватскій (ib.), что́ возможно только вслѣдствіе незнакомства съ южно-карпатскимъ русскимъ говоромъ, при отсутствіи сочиненій, писанныхъ на немъ. Съ такимъ теоретическимъ убѣжденіемъ автора соединяется и практическій выводъ: южно-карпатское русское нарѣчіе настолько близко подходитъ къ церковно-славянскому, что въ отдѣльной отъ него грамматикѣ не нуждается; потому до сихъ поръ такая грамматика не была написана („quae lingva siquidem ab omnibus reliquis Dialectis differret et cum V. Slavica ferme conveniret, ideo necessarie haud existimabatur distincta eius grammatica“, IX). Обоснованію этихъ двухъ положеній должна служить книга Михаила Попа-Лучкая.

Такой его взглядъ на родное южно-карпатское русское нарѣчіе нисколько не противорѣчитъ чрезвычайной его привязанности къ родному говору и родному краю. Этотъ взглядъ находится въ связи съ основнымъ его мнѣніемъ о неослабѣвающемъ значеніи для всѣхъ славянъ „старо-славянскаго“ языка, какъ языка Церкви, образованія и литературы. Михаилъ Попъ-Лучкай былъ воспитанъ подъ воздѣй-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ствіемъ еще живыхъ въ ту пору преданій времени уніатскаго епископа Андрея Бачинскаго, когда воспитанники Ужгородскаго богословскаго училища получали свое образованіе дѣйствительно на этомъ языкѣ.[1]) Поэтому въ его устахъ звучитъ естественно сожалѣніе о томъ, что славяне, вмѣсто объединенія вокругъ „старо-славянскаго" языка, стараются о „тщательномъ разграниченіи однихъ нарѣчій отъ другихъ, родственныхъ имъ, выдвигая одно изъ нихъ для употребленія въ наукѣ и общественной жизни и оттѣсняя прочія отъ всякой подобной почетной функціи" (V). Такой путь развитія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ Попъ-Лучкай рѣшительно осуждаетъ. „Какой это былъ бы, можно сказать, колоссъ языковъ, восклицаетъ онъ, если-бы мать остальныхъ, старо-славянская рѣчь, — если только когда-нибудь процвѣталъ единый языкъ, — сохранила бы значеніе литературной. И, повидимому, не было-бы великаго препятствія въ томъ, что среди простого народа живутъ иныя склоненія и произношеніе", ибо „нѣтъ ни одной образованной рѣчи, общей съ языкомъ простого народа, такъ какъ это бы значило, что земледѣльцу врождены подобныя же идеи и понятія, какія образованными пріобрѣтаются путемъ обученія и чтенія" (VII). При такомъ основномъ взглядѣ на значеніе „старо-славянскаго" языка, Михаилъ Попъ-Лучкай отводитъ для своего родного южно-карпатскаго русскаго нарѣчія наиболѣе почетное мѣсто непосредственной близости къ „старо-славянскому" языку.

И такъ, „dialectus Ruthenica aut Карпато-рꙋскаѧ" не нуждается въ особой грамматикѣ. Однако, глубокій руссизмъ автора сказывается въ томъ, что самому „старо-славянскому" языку, излагаемому „ductore Dobrowskyo", усваиваются вполнѣ русскія формы. Въ дѣйствительности это даже не церковно-славянскій языкъ русской редакціи, а славяно-русскій языкъ, приспособленный къ основнымъ особенностямъ, звуковымъ и формальнымъ, той русской рѣчи, какая автору грамматики была свойственна съ дѣтства, по мѣсту его рожденія въ Южно-Карпатской Руси. Въ этомъ отношеніи онъ отступаетъ отъ „Institutiones" Добровскаго. Такъ, напримѣръ, звуковое значеніе ѣ, относительно котораго „мнѣнія грамматиковъ расходятся", онъ опредѣляетъ какъ „*í* острое или ударяемое" („*í* acutum seu cum accentu"), въ отличіе отъ „*i* рѣзкаго или глубокаго" (то-есть *ы*) и отъ „*i* средняго", „*i* medium" (*и*), для которыхъ Кириллъ установилъ отдѣльные знаки (4 сл.); Добровскій опредѣляетъ древнее звучаніе ѣ какъ *je* (28). Знакъ г должно произносить какъ латинское *h*; русскіе въ Россіи и сербы произносятъ *g* „по способу грековъ" („more Graecorum", 2). И это объясненіе дано въ противорѣчіи съ Добровскимъ, по которому „г соотвѣтствуетъ греческому *γ*, латинскому *g*" (2). Подобнымъ же способомъ Попъ-Лучкай высказывается относительно сочетаній

---

[1]) Первый и второй классы гимназіи („schola Grammatica") Михаилъ Попъ проходилъ въ Ужгородѣ, въ 1805 и 1806 годахъ, когда еще живъ былъ Бачинскій, остальные классы, повидимому, въ Великомъ Варадинѣ, гдѣ закончилъ среднее образованіе въ 1812 году. (Вас. Гаджега, Михаил Лучкай, 14 сл.)

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

кы, гы, хы, признавая, вслѣдъ за Добровскимъ, что „причина этого правила — сама природа этихъ буквъ“ (9), но, тѣмъ не менѣе, отдавая предпочтеніе написаніямъ ки, ги, хи, въ пользу чего говоритъ „болѣе пріятное произношеніе“ („gratilior expressio“, 10), ибо послѣднее свойство (произношеніе *ки, ги, хи*) принадлежитъ именно говору мѣста рожденія автора, села Великихъ Лучекъ, близъ Мукачева, въ отличіе отъ иныхъ говоровъ южно-карпатской русской языковой области, сохраняющихъ *кы, гы, хы*. Знакъ ь послѣ шипящихъ и ц „долженъ всегда примѣняться, и если опускается, то всегда считается присутствующимъ: конец или конець и т. д.“ (11), ибо и въ родномъ говорѣ автора *ц* въ концѣ словъ сохраняетъ смягченность. Полногласныя формы приводятся наравнѣ съ обычными церк.-славянскими, безъ того, чтобы были отмѣчены какъ „Ruthenica“: глас—голос, глад—голод, сланина—солонина (15), прасѧ—поросѧ (24), солома (25), коровль (50), клати—колоти (90) и т. д. Съ подобнымъ приближеніемъ къ русскому языку встрѣчаемся и въ склоненіи, гдѣ находимъ, въ мужескомъ родѣ, звательный падежъ братикꙋ, кꙋмикꙋ (37), съ такимъ примѣчаніемъ: такой формы этого падежа „грамматики не устанавливаютъ“, но „наблюденія ихъ простирались только на священныя книги, съ пренебреженіемъ къ простонародной рѣчи (communi neglecto sermone), языкъ же отнюдь не исчерпанъ въ священныхъ книгахъ“; къ тому же „и самъ Добровскій признаетъ, что сын имѣетъ сынꙋ“ (ib.). Этимъ, въ сущности, признается тожество „старо-славянскаго“ съ „dialectus Ruthenica aut Карпато-рꙋскаѧ“, какъ его современнымъ продолженіемъ въ устахъ простого народа. Подобно же и окончаніе мягкихъ основъ м. р. въ вин. мн. на -ѧ замѣнено русскимъ окончаніемъ -*и*, ибо „это возстановленіе -ѧ (у Добровскаго) исказило бы во многомъ какъ правописаніе, такъ и смыслъ“ (40). Соотвѣтственно замѣнено старое окончаніе -ѧ род. ед. и им.-вин. мн. женскихъ мягкихъ основъ русскимъ окончаніемъ -*и* (44) и т. д. Въ такомъ руссифицированномъ видѣ представляется „старо-славянскій“ языкъ въ грамматикѣ Михаила Попа-Лучкая, рядомъ съ которымъ особая грамматика южно-карпатскаго русскаго нарѣчія представляется излишней.

Обще-русскій литературный языкъ Россіи былъ извѣстенъ Попу-Лучкаю изъ книгъ, какъ это видно изъ упоминаній въ грамматикѣ о книгахъ, изданныхъ въ Россіи. Каково же было мнѣніе его о русскомъ литературномъ языкѣ? Было уже упомянуто, что авторъ нашей грамматики къ „преобразованію отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій въ литературные языки“ относился отрицательно. „Старые славяне, говоритъ онъ, будучи разсѣяны превратностями судебъ по разнымъ областямъ Европы и не имѣя между собой литературнаго общенія... приступили, пренебрегши своей старославянской матерью, къ развитію (qualificare) собственныхъ нарѣчій. Глаголическое нарѣчіе пожелало отмѣтить себя особой азбукой уже въ XII вѣкѣ. Прочія, какъ богемское, польское, русское, сербское и хорватское, преобразованы въ (особыя) нарѣчія въ послѣдующихъ столѣтіяхъ“ (VI). Еще болѣе вызываетъ тревогу автора

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

мысль о послѣдствіяхъ, какія можетъ повлечь за собой мелкій литературный и языковой партикуляризмъ маленькихъ славянскихъ странъ. „Теперь уже даже совсѣмъ маленькія области, какъ Моравія, Лужицы, Каринтія и Крайна, озабочены образованіемъ самостоятельныхъ нарѣчій, но боюсь, чтобы такое дѣленіе не повлекло за собой исчезновеніе нѣкоторыхъ нарѣчій и поглощеніе ихъ иными языками. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде слышался славянскій языкъ, едва лишь старики помнятъ родную рѣчь“ (VI сл.). И такъ, Попъ-Лучкай въ наличіи отдѣльныхъ славянскихъ литературныхъ языковъ, въ томъ числѣ и русскаго въ Россіи, видитъ ущербъ, наносимый мысли о единомъ, подлинномъ и законномъ литературномъ языкѣ для всѣхъ славянъ, языкѣ „старо-славянскомъ“. При такомъ основномъ убѣжденіи, проводимомъ въ книгѣ, автора занимаетъ исключительно отношеніе (близость) его родного говора къ „библейскому“ церк.-славянскому языку, а не къ общерусскому литературному языку. Отдѣльная грамматика южнокарпатскаго русскаго нарѣчія излишня не потому, что существуетъ обще-признанная русская грамматика, но потому, что обще-обязательной признается церковно-славянская грамматика. Съ этой точки зрѣнія общаго для всѣхъ славянъ значенія „старо-славянской“ грамматики, всѣ славянскія нарѣчія и говоры, безъ различія ихъ групповой принадлежности (значитъ, и русскіе говоры въ отношеніи другъ къ другу), представляются въ глазахъ Попа-Лучкая равноцѣнными и равноправными. „Сами говоры, найдя примѣненіе, по причинѣ благопріятныхъ условій, въ общественной жизни и наукѣ, тщательно обособляются отъ ближайше родственныхъ имъ говоровъ и вытѣсняютъ иные говоры отъ всякой почетной роли. Свидѣтельство о такомъ положеніи представляютъ Россія, Франція, Италія и иныя страны, гдѣ господствуютъ, вслѣдствіе разнородности областей, различные говоры, однако, возобладалъ только одинъ, являясь законодателемъ для остальныхъ, ближайше родственныхъ говоровъ, какъ въ кабинетахъ ученыхъ, такъ и въ судебныхъ установленіяхъ“ (V сл.). По мнѣнію автора, нѣтъ причины, чтобы среди родственныхъ славянскихъ говоровъ одинъ изъ нихъ уступалъ первенство другому, въ ущербъ своей самобытности, ибо всѣ говоры имѣютъ право параллельнаго процвѣтанія, подъ одинаковымъ для всѣхъ очищающимъ и облагораживающимъ воздѣйствіемъ общаго для всѣхъ литературнаго языка „старо-славянскаго“, единаго органа мысли, Церкви и общества. Примѣръ такого идеальнаго состоянія Михаилъ Попъ-Лучкай находитъ въ родномъ ему южнокарпатскомъ русскомъ краѣ, гдѣ русскій народъ, „живя въ этой странѣ изначала... и будучи привязанъ къ мѣсту, легче могъ сохранить свой языкъ неиспорченнымъ, въ особенности потому, что ежедневное употребленіе въ церквахъ библейскаго языка является даже для селянъ вполнѣ привычнымъ, грамотные же подражаютъ скорѣе библейскимъ, чѣмъ простымъ выраженіямъ“ (XV сл.).

И такъ, по смыслу изложенія автора, въ Россіи произошло то-же, что случилось и въ другихъ славянскихъ странахъ послѣ отказа отъ „старо-славянскаго“ языка, а на Западѣ послѣ устра-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ненія латыни: надъ многими русскими говорами возобладалъ одинъ русскій говоръ, какъ литературный, оттѣснивши всѣ прочіе и ставши для нихъ единственнымъ „законодателемъ“ („legumlatrix“). Южно-Карпатская Русь (Carpatho-Russia) этимъ развитіемъ осталась не затронута, какъ оторванная политически отъ русскаго государства, религіозно отъ православной русской Церкви, культурно и національно отъ строительства великой русской культуры. Въ этой обособленности отъ обще-русской государственной, церковной и культурной жизни, Южно-Карпатская Русь осталась на той ступени языкового, литературнаго и національно-культурнаго развитія, на которой, въ концѣ XVII — началѣ XVIII вѣка, ее застигло распространеніе церковной уніи, сопровождаемое 100-лѣтней разрушительной религіозной борьбой. Попу-Лучкаю была, разумѣется, неизвѣстна та рукописная церковно-учительная литература, которой жила старинная Южно-Карпатская Русь до конца XVII — начала XVIII вѣка; послѣдующее столѣтіе, заставивши позабыть старое, не прибавило ничего новаго, исключая тѣ два катихизиса (Де-Камелиса 1692—1707 г. и Кутки 1801 г.), о которыхъ упоминаетъ авторъ, какъ о единственныхъ литературныхъ произведеніяхъ Южно-Карпатской Руси (IX сл.).

Славяно-русскій литературный языкъ, изжитый въ Россіи со временъ Прокоповича и Кантемира, въ обособленной жизни маленькаго, забытаго уголка русскаго міра, въ глухихъ Карпатскихъ горахъ, продолжалъ свое существованіе, какъ оффиціальный языкъ, наряду съ латинскимъ, теперь уже уніатской Церкви до половины XIX вѣка, то-есть, до перелома, вызваннаго мадьярскимъ возстаніемъ и дѣятельностью въ Южно-Карпатской Руси А. И. Добрянскаго. Авторъ нашей грамматики, не дожившій до этого времени († 1843 г.), оставался до конца жизни подъ властью унаслѣдованныхъ понятій, хранимыхъ въ средѣ уніатскаго духовенства, для котораго языкъ науки была латынь, языкъ Библіи и богослуженія — „старо-славянскій“, языкъ народа — необразованная русская рѣчь „простаковъ“ („agrestium“ или „plebis“), хотя милая сердцу и пріятная, по привычкѣ, въ домашнемъ употребленіи, но „не нуждающаяся въ грамматикѣ“. Измѣненіе въ эти понятія внесъ, уже послѣ смерти Попа-Лучкая, неожиданно быстрый, угрожающій ростъ мадьяризма, доведшій до возстанія и потрясшій всѣ народы старой Угорской державы; съ паденіемъ авторитета латыни, какъ языка государственнаго, и съ послѣдовавшей замѣной ея языкомъ мадьярскимъ, бывшимъ до тѣхъ поръ языкомъ лишь простого, необразованнаго народа и потому пренебрегаемымъ самими мадьярами, — возросло въ глазахъ современниковъ въ Южно-Карпатской Руси и значеніе родного русскаго языка, литературная обработка котораго была уже закончена въ Россіи, создавшей на немъ къ тому времени могучую и богатую литературу.

Какъ представлялъ себѣ Михаилъ Попъ-Лучкай отношеніе южно-карпатскаго русскаго нарѣчія къ другимъ нарѣчіямъ русскаго языка? Если Добровскій не дѣлилъ „Russica“, то это при-

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

писываютъ его знакомству лишь съ русскимъ литературнымъ языкомъ и его малой освѣдомленности относительно многообразія народной русской рѣчи. Касательно Южно-Карпатской Руси онъ имѣлъ только описанія быта и нравовъ, высказывая желаніе получить и образцы рѣчи.[1]) Въ отличіе отъ этого, авторъ нашей грамматики, прилежный послѣдователь Добровскаго, имѣлъ не только представленіе о существующихъ въ русскомъ языкѣ діалектическихъ различіяхъ, но и обладалъ твердымъ, непосредственнымъ знаніемъ, вынесеннымъ изъ сельской среды, подлинной народной южно-карпатской русской рѣчи. Сынъ дьяка Михаила Попа въ селѣ Великихъ Лучкахъ близъ Мукачева, будущій священникъ и ученый, Михаилъ Попъ-Лучкай (Lutskay)[2]) навсегда запечатлѣлъ въ душѣ это знаніе и любовь къ родной рѣчи и къ прекраснымъ произведеніямъ народнаго творчества. Ему извѣстно было, что подобная, хотя и различная во многихъ важныхъ чертахъ, русская рѣчь, которую онъ назвалъ „Ruthenica“ или „Parvo-Russica“, слышится и въ Малой Россіи, въ русскихъ частяхъ бывшей Польши, а также въ Буковинѣ (VIII). Однако, указывая на такіе предѣлы распространенія малорусскихъ говоровъ, Попъ-Лучкай въ дальнѣйшемъ занимается только своимъ роднымъ южно-карпатскимъ русскимъ нарѣчіемъ, распространеннымъ „по южную сторону Карпатскихъ горъ“ („per latus meridionale montium Carpathicorum“), излагая литературную и историческую судьбу этого нарѣчія въ предисловіи, а въ грамматикѣ имѣя въ виду преимущественно одинъ только говоръ своего родного села, Великихъ Лучекъ. Повидимому, авторъ, указавъ ближайшія родственныя связи южно-карпатскаго русскаго нарѣчія съ южно-русской группой говоровъ въ Юго-Западной Россіи, Галичинѣ и Буковинѣ, сознаетъ языковую обособленность родного ему нарѣчія по сравненію съ иными южно-русскими говорами. Онъ подчеркиваетъ, что это нарѣчіе осталось, хотя и „безъ грамматики“, но, „пожалуй, и безъ искаженія“ (VIII), въ этомъ „отличаясь отъ всѣхъ иныхъ нарѣчій и сохраняя самое близкое сходство со старо-славянскимъ“ (IX); это было возможно потому, что „народъ этотъ — въ сей странѣ древній, не поселившійся здѣсь, какъ говорятъ, послѣ пришествія мадьяръ, и такимъ путемъ, будучи привязанъ къ мѣсту, имѣвшій возможность легче сохранить свой языкъ неиспорченнымъ“ (XV). Нужно сказать, что такое

---

[1]) Ср. объ этомъ статью Б М. Ляпунова въ Сб. Josef Dobrovský, 124 сл.

[2]) Настоящая его фамилія была Попъ, какъ теперь окончательно установлено; ср. Вас. Гаджега, Михаил Лучкай, 6 сл., 11. Названіе *Lutskay* (мад. *lucskai* „лучанскій“), являясь въ началѣ произвольной прибавкой къ фамиліи, по мѣсту происхожденія и ради отличія отъ множества сошкольниковъ-однофамильцевъ въ В. Варадинской гимназіи, было потомъ принято имъ навсегда, взамѣнъ настоящей фамиліи (тамъ-же, 6). Мадьяризація фамилій уніатскаго духовенства наблюдалась отчасти уже съ XVIII вѣка, причемъ этому подвергались и прозванія по мѣсту служенія; ср. напр. въ протоколѣ объѣзда епархіи Мануила Ольшавскаго 1751 года: парохія Малое Березное, парохъ одинъ, Іоаннъ Березнаи (Вас. Гаджега, Додатки к исторіи руських церквей Уж. ж., Наук. Зб., III, 165).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

обоснованіе современныхъ особенностей южно-карпатской русской народной рѣчи дѣлаетъ честь лингвистическому чутью автора нашей грамматики, одновременно филолога и историка.

Дѣйствительно, нынѣ уже навѣрняка можно сказать, что цѣлый рядъ звуковыхъ и формальныхъ особенностей южно-карпатскаго русскаго нарѣчія можетъ найти свое удовлетворительное объясненіе лишь при условіи, что предки нынѣшней Южно-Карпатской Руси жили въ мѣстахъ своего разселенія, южнѣе Карпатскихъ горъ, съ давнихъ поръ и, во всякомъ случаѣ, много раньше XIII—XIV вв., какъ въ новѣйшее время принято утверждать. Что было ясно сто лѣтъ тому назадъ Михаилу Попу-Лучкаю, то теперь, къ сожалѣнію, затемнено чрезмѣрной щепетильностью въ пользованіи, для выясненія исторіи заселенія, лишь прямыми указаніями немногочисленныхъ и случайныхъ чужихъ грамотъ, свидѣтельство которыхъ для нашей страны начинается съ XIII—XIV вв. Однако, свидѣтельство языка, представляющаго древнѣйшій, неписанный памятникъ народнаго бытія, читаемый при помощи методовъ науки о языкѣ, заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, столько же вниманія историковъ, какъ и писанныя грамоты, ибо несомнѣнно, что достовѣрность, безошибочность, убѣдительность перваго выше заключеній ex silentio на основаніи послѣднихъ. Михаилъ Попъ-Лучкай, прекрасный знатокъ народнаго говора Южно-Карпатской Руси, своимъ чутьемъ очень вѣрно опредѣлилъ, что такой складъ народной рѣчи, какой здѣсь наблюдается, могъ сложиться лишь вслѣдствіе продолжительнаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ, съ давнихъ поръ, въ обособленности отъ остального русскаго міра за Карпатскимъ хребтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ такими особенностями языка, какія до сихъ поръ сохраняются въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи, наши предки не могли явиться сюда ни въ XIV-мъ, ни въ XIII-мъ вѣкѣ, ни изъ Галичины, ни съ Днѣстра, ни изъ Буковины, Волыни или Подолья, ни съ иныхъ мѣстъ Юго-Западной Руси, ибо къ указанному времени, какъ это установлено исторіей русскаго языка, нынѣ существующія русскія нарѣчія успѣли достигнуть своего полнаго развитія, выработавши всѣ главнѣйшія свои особенности.[1]) Поэтому, если бы предки нынѣшней Южно-Карпатской Руси переселились сюда, въ указанное время, изъ Галичины, напримѣръ—съ Днѣстра, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки, то они принесли бы съ собой галицкій (днѣстровскій) говоръ, и этимъ галицкимъ говоромъ долженъ бы говорить теперь южно-карпатскій русскій народъ. Филологъ и историкъ, Михаилъ Попъ-Лучкай, хотя исторія русскаго языка сто лѣтъ тому назадъ еще не была изслѣдована, какъ это видимъ сегодня, былъ далекъ отъ подобныхъ ошибокъ.

---

[1]) Главнѣйшія особенности южно-карпатскаго русскаго нарѣчія: гласный составъ съ развитіемъ параллелизма широкихъ и узкихъ (напряженныхъ) гласныхъ, своеобразная система палатализаціи (смягченности) согласныхъ, группа *гл* < *дл* (въ нѣкоторыхъ глагольныхъ формахъ) и др. не находятъ себѣ соотвѣтствія во всемъ южно-русскомъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Родной говоръ Михаила Попа-Лучкая, излагаемый въ его грамматикѣ, есть говоръ, какъ уже сказано, села Великихъ Лучекъ близъ Мукачева. Авторъ владѣлъ имъ настолько хорошо, что долгіе годы ученія и службы, проведенные вдали отъ родного края, въ Великомъ Варадинѣ, Вѣнѣ и Луккѣ въ Италіи, а также и послѣдующая жизнь въ епархіальномъ центрѣ, Ужгородѣ, не могли сгладить яркихъ народныхъ чертъ его рѣчи. Въ этой подлинной народности языка, излагаемаго въ грамматикѣ, заключается главнѣйшая особенность, которой книга Попа-Лучкая отличается отъ грамматикъ, выходившихъ, подъ названіемъ „малорусскихъ", въ сосѣдней съ Южно-Карпатской Русью Галичинѣ около половины XIX в. Причина сему очевидна: въ Галичинѣ существовала (и существуетъ) особая городская разговорная „русская" рѣчь смѣшаннаго русско-польскаго населенія восточно-галицкихъ городовъ, заслонявшая собою отъ авторовъ, людей польскаго воспитанія, подлинные галицкіе малорусскіе говоры и отличавшаяся отъ этихъ говоровъ такъ-же, какъ и традиціонный зап.-малорусскій книжный языкъ, своей полной зависимостью отъ польскаго языка. Въ Южно-Карпатской Руси условія были иныя. Здѣсь особаго, отличнаго отъ народнаго, городского разговорнаго языка не было. Въ городахъ Южно-Карпатской Руси господствовалъ, какъ и теперь господствуетъ, тотъ самый говоръ, какой слышится и въ ближайшей окрестности; если существуютъ отличительныя черты, то не въ иномъ смыслѣ, чѣмъ какъ это наблюдается въ отношеніи любого селенія по сравненію съ сосѣдними. Западно-малорусскій полонизованный языкъ получилъ доступъ въ Южно-Карпатскую Русь въ теченіе XVII в. вмѣстѣ со списками и изданіями церковно-учительной литературы, однако, за отсутствіемъ постояннаго воздѣйствія польскаго языка, не успѣлъ оставить послѣ себя какихъ-либо замѣтныхъ слѣдовъ, такъ что и значеніе этого полонизованнаго языка далѣе упомянутыхъ списковъ и передѣлокъ не распространилось. Къ тому же, сама эта учительная литература, какъ православная, была вскорѣ прекращена и предана забвенію вслѣдствіе религіозной борьбы и утвержденія уніи въ XVIII вѣкѣ. Представители высшаго духовенства въ епархіальномъ центрѣ, Ужгородѣ, соединявшемъ уроженцевъ разныхъ мѣстъ края, пользовались каждый своимъ роднымъ говоромъ, по мѣсту рожденія или прежняго жительства, съ бо̀льшимъ или меньшимъ налетомъ книжныхъ выраженій и съ подавленіемъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ особенностей, варіирующихъ въ зависимости отъ говора (каковы, напримѣръ, книжные *о, е* — вмѣсто народныхъ *у*, *'у* или *ÿ*, *'ÿ* и т. д. < *ō*, *ē*, какъ можно наблюдать и сегодня).[1]) Един-

---

[1]) Въ позднѣйшее время къ этимъ особенностямъ языка епархіальнаго центра (а отчасти и уніатскаго духовенства вообще) присоединилась, какъ послѣдствіе мадьяризаціи, наблюдаемая и нынѣ замѣна нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ близкими къ нимъ въ слуховомъ отношеніи мадьярскими; ср. произношеніе мад. *é* въ русскихъ словахъ вмѣсто *ê* *(вознесé'н'ie)* и подобно же *ô* вм. *ы* *(мô'ло* вм. *мыло)*. Послѣдняя особенность была отмѣчена въ свое время О. Брокомъ (Weitere Studien, 87).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ственное, что̀ выработалъ Ужгородъ, это были извѣстные общіе навыки въ отношеніи церковнаго чтенія и пѣнія.[1]) Можетъ быть, авторъ нашей грамматики смогъ сохранить неповрежденное знаніе родного говора именно благодаря тому обстоятельству, что годы ученія его проходили большею частью внѣ Ужгорода, вслѣдствіе чего онъ не имѣлъ случая усвоить какой-нибудь иной видъ русскаго языка, кромѣ родного говора.

Изображая свой родной русскій говоръ, Михаилъ Попъ-Лучкай старается представить все главнѣйшее, достойное вниманія по своему отличію отъ „старо-славянскаго". Прежде всего, въ отдѣлѣ о звукахъ („De literis — О бꙋквахъ" и „De mutatione literarum — О прѣмѣненіи бꙋкв") находимъ поясненія относительно звуковъ южно-карпатскаго русскаго нарѣчія. Изъ гласныхъ особо упоминается *ѣ*, опредѣляемое, въ отличіе отъ *і* и отъ *ы*, какъ „*і* ударяемое" или „*і* острое" („*і* accentuatum" или „*і* acutum"). „Относительно произношенія ѣ мнѣнія грамматиковъ такъ же расходятся, какъ и обычай... Rutheni, включая сюда жителей Галичины и Малой Россіи, произносятъ его какъ ударяемое і, или подобно нѣмецкому *wie*. Я не имѣю намѣренія разсуждать о томъ пространнѣе, который способъ произношенія является лучшимъ. Ибо, если бы кто-нибудь представилъ съ очевидностью даже подлинный выговоръ, какъ онъ слышался въ устахъ самого Кирилла, и такъ онъ былъ бы уже не въ силахъ измѣнить принятый на практикѣ звукъ. Повидимому, троякое *і* было въ употребленіи у древнихъ славянъ: *і* острое или ударяемое, *і* рѣзкое или глубокое и *і* среднее. Кириллъ, установившій для каждаго отдѣльнаго звука особую букву, какъ, напримѣръ, для *ja*—ꙗ, для *ju*—ю, долженъ былъ создать и для троякаго *і* троякій знакъ *і*, а именно, для і остраго—ѣ, для рѣзкаго—ы и для средняго — и, чтобы, подобно тому, какъ различны звуки, были различны и буквы: бѣл, был, бил" (4 сл.) Такимъ опредѣленіемъ авторъ имѣлъ въ виду узко-напряженное звучаніе этого гласнаго образованія, по сравненію съ широкимъ укладомъ опущеннаго *і* (*i̊*), называемаго „*і* medium", „среднее *і*". Для этого послѣдняго Попъ-Лучкай, при передачѣ латинскимъ письмомъ, пользуется знакомъ *і* (Гриц, Hritz, ib.); и дѣйствительно, *і* (*i̊*) въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи, несмотря на пониженный укладъ, не утратило характера *і* и, какъ таковое, воспринимается сознаніемъ говорящихъ. Къ тому же, въ бережскомъ говорѣ наблюдается въ отношеніи *і* такъ называемая „гармонія гласныхъ": колебаніе между *і* и *i̊* зависитъ отъ наличія въ послѣднемъ слогѣ *î* < *ѣ*: *вї'нніц'а* — *на вї'нніц'î*. Нашъ авторъ, не дѣлавшій тонкихъ фонетическихъ наблюденій, не отмѣчаетъ, разумѣется, этого от-

---

[1]) Въ особенности это коснулось ударенія. Извѣстно, что церковное чтеніе и пѣніе происходитъ повсемѣстно въ Южно-Карпатской Руси, безотносительно къ акцентнымъ свойствамъ говора, съ одинаковой склонностью къ „неподвижности" ударенія, въ чемъ сказалось воздѣйствіе ужгородской школы, распространившей эти особенности церковнаго произношенія, черезъ своихъ воспитанниковъ, по всей странѣ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

тѣнка, но, въ видѣ недосмотра (ошибки противъ обычнаго правописанія), это явленіе нашло себѣ выраженіе въ написаніяхъ: Рѣмѣ вм. *Римѣ* (153), сѣдѣти (169), загрѣмѣло (172); послѣднее слово въ восточныхъ говорахъ звучитъ *грім'і'ші* (или *грім'іші*), въ западныхъ *гырм'іші*.[1]) Замѣчательно, что звукъ *ы* Лучкай не попытался опредѣлить ближе, хотя этотъ гласный является въ звуковомъ составѣ южно-карпатскаго русскаго нарѣчія однимъ изъ наиболѣе характерныхъ; „относительно и и ы грамматики согласны между собой, что оба гласные замѣняютъ латинскій *i*, имѣя, однако, различное звучаніе, то-есть ы обладаетъ звукомъ болѣе рѣзкимъ и твердымъ, и — болѣе мягкимъ и притупленнымъ“ (4). Въ транскрипціи латинскими буквами онъ передаетъ звукъ *ы* посредствомъ знаковъ *u* или *i*: нигды, nigdu (3), пастырем, pasztirüm (ib.). Далѣе авторъ отмѣчаетъ переходъ *е* въ *о* послѣ шипящихъ: „въ русскомъ (in Ruthenica) (е) звучитъ, кромѣ того, какъ о, послѣ ж, ш, ц, ч и щ, напримѣръ: жолтый, пошол, лицом, чорт, вмѣсто желтый, пошел, лицем, черт, однако, не во всѣхъ словахъ, въ особенности, если они не являются ударяемыми, напримѣръ: желѣзо, шепчу, чешу, церковь“ (3). Въ примѣрахъ *жолтый (жо̂у'ты̯і), чорт, пошол (по̂шо̂у')*[2]) встрѣчаемъ *е>о* во всемъ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи; вообще же это явленіе *(е>о)* принадлежитъ восточной половинѣ южно-карпатской языковой области и неизвѣстно въ западныхъ говорахъ (гдѣ слышится *жена, ч'ало, ч'асаші, фч'ара, хч'ара* или *ш'ч'ара* „вчера“, вмѣсто восточныхъ *жона', чоло', чеса'ші, у̯чо'ра)*. Къ явленію *е>о* послѣ шипящихъ Попъ-Лучкай относитъ и *о* послѣ *ц* (лицом), гдѣ *о* на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, происхожденія формальнаго *(ліц'о'м*, такъ же, какъ *мо'р'ом, по'л'ом*, подъ воздѣйствіемъ *сло'вом*, съ перенесеніемъ окончанія твердыхъ основъ на мягкія). Этотъ послѣдній примѣръ *(лицом)*, а также ограниченіе перехода *е>о* послѣ шипящихъ зависимостью отъ ударяемости слога, является повтореніемъ правилъ грамматики обще-русскаго литературнаго языка (повидимому, Востокова). Какъ извѣстно, сохраненіе измѣненія *е>о* только подъ удареніемъ представляетъ особенность гласнаго состава „акающихъ“ говоровъ русскаго языка (южновеликорусскихъ и бѣло-русскихъ), откуда эта черта проникла и въ русскій литературный языкъ, но не касается говоровъ „окающихъ“ (сѣверно-великорусскаго и малорусскаго), за исключеніемъ сѣв.-малорусской группы говоровъ, раздѣляющей зависимость звуковыхъ измѣненій отъ ударенія съ сосѣднимъ „акающимъ“ нарѣчіемъ; не касается эта особенность и южно-карпатскаго русскаго нарѣчія. Приводимые примѣры безъ ударенія, съ отсутствіемъ *е>о (желѣзо, чешу, церковь)*, имѣютъ, за исключеніемъ *шепчу,*

---

[1]) Примѣры приводятся на основаніи записей, сдѣланныхъ мною, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, въ различныхъ мѣстахъ Южно-Карпатской Руси.

[2]) Въ иныхъ говорахъ *пўшо̂у'* (береж.), *пушо̂у'* (ю.-мо̄ромор.).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса" 07.2015

е въ мягкомъ слогѣ, что́ является, какъ извѣстно, болѣе существенной причиной сохраненія звука *е;* ю.-карп. рус. *цê'р'коу̯, цê'р'кô̆у̯* имѣетъ *р'* (какъ въ русскомъ литературномъ произношеніи), *ш (чешу)* отвердѣло изъ недавней мягкости, сохраняемой въ нѣкоторыхъ говорахъ до сихъ поръ (зап.-земл. *п'îш'оу̯' „пошелъ"); ср.* сѣв.-великорус. *чошу', шопчу'.* Свойственные всему южно-русскому, особые замѣстители старыхъ *ō, ē* въ закрытыхъ слогахъ Лучкай приводитъ въ томъ видѣ, какой обыченъ для его родного говора: „*(е)* производитъ также звукъ, подобный французскому *u,* мадьярскому *ü,* напримѣръ: рекл rükl, пекл pükl, пастырем pasztirüm" (3). Обѣ глагольныя формы, приводимыя въ качествѣ примѣра *ē>ü,* въ народномъ говорѣ звучатъ *р'ўк, п'ўк;* Попъ-Лучкай имъ придалъ церковно-славянское окончаніе. Достойно вниманія, что для *ē* онъ приводитъ только тотъ видъ замѣстителя, какой обыченъ въ произношеніи на лѣвомъ берегу рѣки Латорицы, гдѣ находятся Великія Лучки, безъ упоминанія о выговорѣ праваго берега (Ракошино, Русское и т. д.), гдѣ слышится *ю ('у): р'ук, п'ук* (точнѣе *р'êўк, п'êўк).* Наоборотъ, при *о* указано разнообразіе въ замѣщеніи этого звука въ отдѣльныхъ южно-карпатскихъ русскихъ говорахъ; онъ звучитъ „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ мадьярское *ü,* французское *u*: поп pür, пост püszt, волѡм volüm; другіе любятъ произносить его какъ ї или ѣ, напримѣръ: пїп, снїп, кїнь, пѣп, снѣп, кѣнь, вѣл; иные, руководствуясь примѣромъ волоховъ, какъ ȣ, именно: снȣп, кȣнь, вȣл" (5). На первомъ мѣстѣ и тутъ ставится произношеніе родного говора автора *(ü),* указывается и западный выговоръ *i* (зап. Землинъ, Шаришъ, Спишъ), слышимый и въ пограничной съ Галичиной полосѣ („на Верховинѣ"). При этомъ двоякое написаніе пїп, снїп и пѣп, снѣп должно выражать, повидимому, различное въ отдѣльныхъ говорахъ состояніе согласнаго впереди этого звука *(î<ō);* нѣчто подобное Попъ-Лучкай могъ наблюдать въ своемъ родномъ говорѣ, гдѣ слышится *нўс* „носъ" *(<нōс)* въ противоположность *н'ўс* „нёсъ" *(<нēс).* Такая же разница, передаваемая написаніями пїп, снїп и пѣп, снѣп, наблюдается въ произношеніи этихъ словъ на Верховинѣ *(пîп, снîп)* и въ западныхъ говорахъ *(п'îп, сн'îп).* Наконецъ, произношеніе *у (кунь)* приписывается воздѣйствію румынъ (волоховъ), вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ членнаго употребленія существительныхъ у румынъ: *tîrg* „торгъ" — *tîrgul [=ты'ргул],* или, можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ перехода неударяемаго *о* въ *u* въ румынскомъ языкѣ: *do'mnu* „господинъ", *dumnia-ta'* „*Вы*", *Dumnezeu'* „Богъ" *(=Domine Deus).* Ясно, что въ этой мысли о чужомъ („волошскомъ") происхожденіи сосѣдняго, за Латорицей, произношенія *(ō>у),* распространяющагося къ западу на Ужскую долину и на восточный Землинъ и извѣстнаго въ южномъ Мороморышѣ, нашло себѣ отраженіе народное представленіе о діалектическихъ разностяхъ, какъ объ измѣненіяхъ (искаженіяхъ) подъ чужимъ воздѣйствіемъ. Изъ правила о переходѣ *ō>ü, ē>'ü* и т. д. авторъ исключаетъ образованное произношеніе духовенства, сохраняющее *о, е* въ закрытыхъ слогахъ по способу „старо-славянскаго" и обще-русскаго

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

литературнаго языка: „въ болѣе образованомъ произношеніи (in ore cultiori) обѣ буквы удерживаютъ природный свой звукъ“ (5). Его замѣчанія въ отношеніи простонароднаго выговора служатъ „отнюдь не къ тому, чтобы учить такому произношенію, но чтобы звуки, слышимые изъ устъ земледѣльца, могли быть опредѣляемы и передаваемы на письмѣ (ut soni ex ore ruricolae auditi resolvi et exscribi valeant) и чтобы было ясно, что и формы склоненія и спряженія, о которыхъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ, должны писаться черезъ *е* и что къ этому звуку должны быть сведены природныя формы склоненія и спряженія и простого народа (ad hunc sonum reducendae cognoscantur genuinae plebis etiam Declinationes ac Conjugationes)“ (3 сл.). При этомъ дѣлается указаніе на возможность графической передачи звукового измѣненія *е (ē)* по способу, принятому въ Россіи: „Russi in his cazibus ё duobus punctis notare solent ad designandam soni mutationem“ (4). Попъ-Лучкай не ошибся, сопоставляя *ÿ<ē* родного говора съ русскимъ литературнымъ *ё*, ибо въ этой особенности дѣйствительно сохранился остатокъ обще-русской когда-то лабіализаціи *е* въ твердомъ слогѣ, которая въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи удержана въ условіяхъ удлиненія въ закрытомъ слогѣ: *в'ÿз*, рус. литер. *вёз (=в'оз*, точнѣе *вêоз)* изъ *веōз (вēоз); н'ÿс, нёс < неōс, нēос* и т. д., съ паразитарнымъ, вслѣдствіе лабіализаціи, *о*, впослѣдствіи возобладавшимъ и оттѣснившимъ первоначальный *ē* до значенія переходнаго гласнаго („экскурсіи“) или гласной установки въ составѣ палатализованнаго согласнаго (ср. сѣв.-великорус.: *вēоз, нēос)*.[1]) Къ измѣненію *ē>î* въ мягкомъ слогѣ относится упоминаемое въ грамматикѣ произношеніе спасѣнѧ (т. е. *спас'î'н'а)* вмѣсто спасенїе: „русскіе люди обыкновенно производятъ, въ простонародномъ употребленіи, стяженіе їе въ ѧ въ именительномъ ед., причемъ и предыдущій е переходитъ въ ѣ: спасенїе, спасѣнѧ“ (16). Весьма замѣчательно, что Попъ-Лучкай правильно угадываетъ связь между „стяженіемъ“ *іе* въ *я* и измѣненіемъ *е* въ *ѣ (=î)* въ предыдущемъ слогѣ, ибо, по нынѣшнему, какъ извѣстно, подавленіе слога („стяженіе“) произошло вслѣдствіе паденія глухого *ь (спасен[ь]е)*, что́ вызвало въ свою очередь замѣстительное удлиненіе гласнаго предыдущаго слога *(е>ē* или *ѣ*, откуда въ позднѣйшихъ стадіяхъ *î)*; однако, значеніе глухихъ *ъ, ь* въ то время, въ „Institutiones“ Добровскаго, которымъ слѣдовалъ нашъ авторъ, не нашло себѣ еще правильнаго истолкованія. Не менѣе значительной представляется и другая особенность южно-карпатскаго русскаго нарѣчія, отмѣчаемая Попомъ-Лучкаемъ, именно, отсутствіе въ извѣстныхъ случаяхъ неслогового *i̯* между гласными: въ тв. ед. женскихъ именъ -ов *(=оу)* вмѣсто *-ою* (17) и въ 1-мъ лицѣ глаголовъ знавȣ, плювȣ, вмѣсто *знаю, плюю* (89). „Русскіе люди измѣняютъ также ою въ ов, откуда происходитъ, что творительный женскаго склоненія оканчивается не на ою, но на ов“ (17). Произношеніе

---

[1]) Ср. мою работу: Изъ сѣверно-русской фонетики, Slavia, VII, 507, 509.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

GRAMMATICA

SLAVO-RUTHENA:

SEU VETERO-SLAVICAE, ET ACTU IN MONTIBUS CARPATHICIS PARVO-RUSSICAE, CEU DIALECTI VIGENTIS LINGVAE.

EDITA

PER

MICHAELEM LUTSKAY

PAROCHUM ET V. A. DIACONUM UNGHVARIENSEM.

ACTUALEM SERENISSIMI PRINCIPIS ET DUCIS

DE LVCA CAPELLANVM AULICUM.

BUDAE

TYPIS REG. UNIVERSITATIS PESTIENSIS.

1830.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая часто какъ *х*: *Бўх* „Богъ", въ чемъ сохраняется слѣдъ стараго звучанія задненебнаго фрикативнаго звонкаго *γ*, предшественника современнаго фрикативнаго гортаннаго *h*. Приводя, по Добровскому, правило объ измѣненіи въ „старо-славянскомъ" сочетаній *гт, кт, хт* въ *щ* (могꙋ, мощи, пекꙋ, пещи, 17, „Institutiones", 42), Попъ-Лучкай прибавляетъ о замѣнѣ въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи *щ* посредствомъ *ч*: „Rutheni in locum щ substituunt ч: мочи, печи" (17 сл., ср. 96, 117). То же находимъ въ отношеніи церк.-слав. *жд (<дj)*; указавши, вслѣдъ за Добровскимъ („Instit." 48), что „д исчезаетъ послѣ ж впереди гласныхъ: госпожа вм. госпожда" (19), авторъ распространяетъ это правило, для своего родного нарѣчія, и на иные случаи: „гождꙋ, годити, in Ruthenica in praesenti 1-а д non est: пꙋжꙋ etc." (105), пждь, вѣждь, по русски ѣжь (106), повѣжь (108). Остальныя замѣчанія о согласныхъ звукахъ, какъ-то о *л* epentheticum (18), объ упрощеніи сочетанія *дл* („д ante л Bohemicum est, садло pro сало," 19), о палатальности *ц* (9, ср. 11, 13), являются лишь повтореніями соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ Добровскаго.

Отдѣлъ „De declinationibus — Ѡ склоненіи" содержитъ три склоненія, соотвѣтственно тремъ родамъ, по три разряда въ каждомъ, что́ равняется дѣленію на 9 склоненій Добровскаго („Instit." 459). Попъ-Лучкай помѣщаетъ при этомъ, параллельно со „старо-славянскими", и русскія формы склоненія, въ томъ видѣ, какъ онѣ употребляются „въ рѣчи образованныхъ" („in ore cultiori"), съ прибавленіемъ въ скобкахъ окончаній падежей въ народномъ произношеніи, какъ они слышатся „у менѣе образованныхъ русскихъ": „sub (:) parenthesi clausae syllabae allicubi apud Ruthenos minus cultos audiuntur"; относительно послѣднихъ формъ онъ дѣлаетъ оговорку, что отмѣчаетъ ихъ для приведенія въ извѣстность, но не для подражанія („praenotavi pro statu notitiae, non vero pro imitatione", 34). Въ мужескомъ склоненіи (по нынѣшнему—основъ на *-о* и примкнувшихъ къ нимъ м. р.) находимъ, въ разрядѣ „Ruthenica", обычныя въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи архаическія падежныя окончанія: д. мн. волом (їм), богом (їм), орлом (їм), пастырем (їм), ключем (їм), мꙋжем (їм), тв. мн. волми (собственно *вїлми)*, пастырми, наряду съ обще-русскимъ творит. волами, богами, орлами, пастырами, ключами, мꙋжами; мѣстный мн. волѣх, бозѣх, орлѣх *(=вол'їх, боз'їх, орл'їх)*, пастырѣх *(=пастыр'їх)*, ключех, мꙋжех *(=ключох, мужох)* (32 сл.). Для Попа-Лучкая, какъ и для Добровскаго, такое множество окончаній „мужескаго склоненія" представлялось неразрѣшимой загадкой, ибо происхожденіе ихъ отъ старыхъ самостоятельныхъ склоненій различныхъ основъ на гласные и согласные звуки въ то время не было выяснено. Однако, авторъ нашей грамматики дѣлаетъ попытку объясненія ихъ въ особыхъ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ падежамъ. Им. мн. звучитъ у Попа-Лучкая отъ твердыхъ основъ: колы, боги, орлы (32), отъ основъ на мягкіе звуки: пастырѣ, ключи (ѣ), мꙋжи (ѣ), краи (ѣ) (33 сл.). Къ этому онъ прибавляетъ объясненіе: въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи „при основѣ на твердый согласный всегда ы,

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

на мягкій и двугласный и и ѣ“ (39). На самомъ дѣлѣ, и помимо боги, восходящаго къ *богы* и допускаемаго „gracilioris expressionis“ ради (10), на основаніи „новѣйшаго правописанія“ (120), родной говоръ Попа-Лучкая даетъ примѣры *-и* или *-е* послѣ твердыхъ согласныхъ въ им. мн.: *чо́рті* „черти“, *во̂ꙋ́це* „волки“, *ц* котораго проникло и въ остальные падежи мн. ч.: р. *во̂ꙋ́цꙋ̈ꙋ* или *во̂ꙋ́кꙋ̈ꙋ*, д. *во̂ꙋ́цꙋ̈м*.[1]) Окончанію ѣ (т. е. *î*) въ им. мн. мягкихъ основъ, вмѣсто котораго Попъ-Лучкай, въ положеніи послѣ шипящихъ, предпочитаетъ писать, уступая церк.-славянскому способу, *и*, дается такое объясненіе: „мнѣ кажется, такъ какъ падежъ этотъ оканчивается на *-ïе*, а русскіе люди (Rutheni) производятъ стяженіе ïе въ ѣ, отсюда произошло пастырѣ“ (39). У Добровскаго („Instit.“ 468) находимъ им. мн. мягкихъ основъ царïе, мравïе, чему слѣдуетъ и Попъ-Лучкай (въ разрядѣ Slavica, цари и царïе, каменïе, 33), хотя *-ie* есть, какъ выяснила впослѣдствіи грамматика, принадлежность основъ на *-i* м. р. *(пѫтие)*; при этомъ еленѣ Добровскій считаетъ „Serborum more pro еленѧ“ (471). Попъ-Лучкай въ своемъ объясненіи попадаетъ въ противорѣчіе съ прежнимъ своимъ объясненіемъ относительно спасенïе > спасѣнѧ (см. выше), гдѣ стяженіе ïе должно было дать ѧ. Слѣдуетъ допустить, что въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду иной видъ стяженія, именно внутри самого звука *ѣ*, на основаніи его различнаго въ разное время произношенія, какъ это высказано и въ иномъ мѣстѣ, въ объясненіи, почему въ мѣстномъ ед. мягкихъ основъ *-ѣ* замѣнено черезъ *-и*: „такъ какъ ѣ равнозначуще ïе, отсюда, если оно должно быть прибавлено къ ь или й, два и, ïе подавляютъ гласный е“ (38). Это, правда, не согласуется съ мнѣніемъ самого Попа-Лучкая о томъ, что *ѣ* уже при составленіи азбуки св. Кирилломъ звучало какъ *î* („i acutum“, ср. выше, 13), причемъ произношеніе *ie* относится на счетъ богемцевъ и сербовъ. Какъ извѣстно, въ нынѣшней грамматикѣ установлено, что *-ѣ(>-î)* въ им.-вин. мн. мягкихъ основъ (*пастырѣ*, ю.-к. рус. *па'стыр'î)* есть старое окончаніе вин. мн. этихъ основъ, свойственное, кромѣ древне-русскаго, еще западнославянскимъ языкамъ и соотвѣтствующее др.-церк.-славянскому -ѧ (пастырѧ). Относительно р. мн. Попъ-Лучкай отмѣчаетъ: „родительный (старославянскій) не отличается отъ окончанія им. ед.“, „но часто прибавляется ов: сынок. Прибавка въ русскомъ постоянная, въ библейскомъ стилѣ болѣе рѣдкая. Родительный именъ на мягкіе согласные имѣетъ окончаніе їй, ей, а также ев“ (39). Этому соотвѣтствуютъ примѣры мужескаго склоненія: волов (їв), богов, орлов, пастырев, ов, ключев, ов, мѫжев, ов, краев (ов) (33 слл.). Лишь въ первомъ примѣрѣ указано окончаніе (їв), какъ оно слышится „apud Ruthenos minus cultos“, въ остальныхъ же при-

---

[1]) Окончаніе *-и (-i)* въ им. мн. въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи весьма распространено, удержавшись преимущественно въ именахъ одушевленныхъ: южно-мороморышск. им. мн. *по'пі* и *по'пы*, в.-земл. (Убля) *хло'пі* (AslPh XVII, 385), зап.-земл. *попі*, *жыді*, *ко̂гуші*, при *рукаꙋы*, *возы*, наряду съ чѣмъ всегда *волы*, что представляетъ, какъ извѣстно, первоначальный в. мн. основы на *-у* (им. *сынове*).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

бавка ѥв поясняетъ лишь, что подъ ѥв нужно разумѣть *ёв*. Лучанскій говоръ знаетъ здѣсь большею частью лишь *-ўу*: р. *по'штўу* „постовъ", *садўу'*, *з'а'ш'ўу* (им. *з'аш'î'* „зятья"), *гô'с'ш'ўу, гноіўу'*, но *ко'нî* (им. *кô'н'î*). Тв. мн. сопровождается слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Ruthenica, гдѣ лишь допускаетъ благозвучіе, всегда примѣняетъ ми, однако вторглось и ами, ями" (41). Такое состояніе, кромѣ приводимыхъ въ грамматикѣ волми *(вў'лмі)*, встрѣчается въ лучанск. преимущественно въ мягкихъ основахъ м. р.: *кў'н'мі*, гдѣ обыкновеннымъ, однако, нужно признать *-ями (гô'с'ш'амі, д'î'в'êр'амі)*.[1]) Относительно м. мн. Попъ-Лучкай повторяетъ за Добровскимъ: „solidae consonae praeferunt ѣх, sed nec ѥх, ѻх respuunt;... ах aut ях a Russica communi derivatum" (41, „Instit." 473). Въ лучанскомъ *на-во'лах* или *на-вô'л'îх, воза'х* или *вô'з'îх, гô'с'ш'ах, з'аш'а'х*, наряду съ *ку'мох* (им. *кумо'ве*, р. *кумô'ўўу), кô'н'ох*. Примѣры грамматики Попа-Лучкая: волѣх, возѣх, орлѣх (32) передаютъ старшее состояніе языка, какъ оно и до сихъ поръ наблюдается въ устахъ старшаго поколѣнія. Изъ падежей ед. числа Попъ-Лучкай признаетъ р. ед. съ окончаніемъ *-у*, „происходящимъ изъ дат., но тѣ-же слова не пренебрегаютъ и окончаніемъ -а. In Ruthenico употребительны оба способа" (36). Въ лучанскомъ *-у* встрѣчается чаще всего отъ именъ, обозначающихъ вещество: р. *ло'іу (лўі), гнô'іу, укрô'шу;* однако, употребленіе его въ нѣкоторыхъ говорахъ весьма ограничено (зап.-земл. р. ед. *сыра)*. „Родительный на ѥне" (т. е. отъ основъ на согласный, ц.-сл. *камене*) въ нашей грамматикѣ именуется, вслѣдъ за Добровскимъ, „ornatus"; „Ruthenica въ этомъ случаѣ соблюдаетъ ꙗ: каменꙗ" (36). Это указаніе имѣетъ точное соотвѣтствіе въ лучанск. р. *ка'м'ên'а*. Однако, въ иныхъ говорахъ окончаніе *-е* не только сохраняется въ склоненіи *ка'м'îн', ка'мене*, но получило широкое распространеніе у основъ на *-о* м. р., твердыхъ, отвердѣвшихъ и мягкихъ; з.-земл. (съ неподвижнымъ удареніемъ) *ўыгл'ад* „окно", р. ед. *ўыгл'аде, рукаў*, р. *рукаўе, Лаборец*, р. *Лаб'îрце, корец*, р. *к'îрце*. Вообще же окончаніе *-е* въ цѣломъ рядѣ южно-карпатскихъ русскихъ говоровъ весьма обычно, встрѣчаясь въ р. ед. именъ не только мужескаго, но также ж. и ср. рода (ю.-моромор. р. ед. *ко'сте, ма'сте, цê'р'кве)*. Для д. ед. Попъ-Лучкай указываетъ, въ соотвѣтствіи съ говоромъ, окончаніе *-ови* (волови, богови, ключеви, мѫжеви [ови], 33)[2]), находя относительно звуковой стороны окончанія *-ови* у мягкихъ основъ, вм. правописнаго *-еви*, объясненіе въ томъ, что „русскіе люди окончанія ов, ом, даже когда онѣ оказываются въ положеніи послѣ ь и и, произносятъ мѫжови, злодѣови, ибо primitivae adiectioni inhaerent", то-есть, по образцу однихъ случаевъ одинаково примѣняютъ ихъ, не разсуждая, къ

---

[1]) Ср. въ ю.-мороморышск. не только *ву'лмі*, но и *хло'пц'мі, legî'н'мі;* зап.-землинск. говоръ сохраняетъ отчасти старый тв. мн.: *с-хлô'ш'ц'î, с-хлôпч'îскы, м'êд'ж'î с'іашы* „промежутокъ между Рождествомъ и Богоявленіемъ".

[2]) Ср. лучанск. *вôў'кові, кугушо'ві, ду'бові, гô'с'ш'ові, ло'іові, гноіо'ві*. Въ зап.-землинск. это окончаніе не такъ всеобще: *мужу, кл'уч'у, Бôгу (задар'мо анї Бôгу не служыме)*.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

другимъ (36, ср. 38). Нужно признать, что это объясненіе Попа-Лучкая чрезвычайно близко къ современному пониманію подобныхъ явленій, какъ возникшихъ вслѣдствіе такъ называемой формальной аналогіи, на основаніи стремленія къ выравниванію подъ одинъ образецъ. Русская особенность отмѣчена и въ отношеніи в. ед., гдѣ южно-карпатская русская рѣчь знаетъ весьма частое употребленіе родительнаго и отъ неодушевленныхъ. „Винительный падежъ именъ одушевленныхъ предметовъ одинаковъ съ родительнымъ; отъ именъ неодушевленныхъ онъ соотвѣтствуетъ то именительному, то родительному: наклади огнѧ, подпали, не загаси огень“ (36). Ср. лучанск. *не уіазау̯ дôбр'ї' сно'па, л'ї'стї на-ду'ба, рубау̯ із-ду'ба вершка'*. О зв. ед. Попъ-Лучкай говоритъ довольно пространно, посвящая ему свыше страницы; но разсужденія его относятся болѣе къ старославянскому языку, чѣмъ къ русскому. „Vocativus є, ѹ, uti рабє, братє, сынє... Sed etiam in ѹ: сынѹ, братикѹ, кѹмикѹ, etc. Propria in gutturales exeuntia: ꙗзкѹ[1]) etc.“ (37). Соотвѣтствующее мѣсто у Добровскаго гласитъ: „Voc. regularis in 1ma desinit in є, raro in ѹ: сынѹ pro сынє, Маркѹ (non Марчє) a Nom. Марко seu Марєк“ („Instit.“ 470). Къ сему Попъ-Лучкай справедливо добавляетъ, что звательному на *-ю* именъ на мягкій согласный и на двугласный (злодѣю), долженъ соотвѣтствовать такой же зв. ед. твердыхъ основъ (на ѹ), ибо иначе первое явленіе осталось бы необъяснимымъ (37 сл.). Зв. ед. „Olexo, Микито, происходящіе въ русскомъ отъ Olexa, Мікїта, слѣдуютъ, на основаніи ихъ окончанія а, женскому склоненію, которое зв. образуетъ на о“ (37). Относительно м. ед. [волѣ, козѣ, орлѣ, пастыри (ѣ), ключи (ѣ), мѹжи (ѣ), краи (ѣ), 34 слл.] Попъ-Лучкай указываетъ, что имена на мягкій согласный принимаютъ окончаніе *-и*. Ибо, „такъ какъ ѣ равнозначуще съ їє, поэтому, если оно должно быть присоединено къ ь или й, два и, їє подавляютъ гласный є, и такимъ способомъ творительный отъ именъ на мягкіе звуки и двугласныя оканчивается на и: цари, врачи“ (38). Это объясненіе, упомянутое уже выше и находящееся въ противорѣчіи съ основнымъ взглядомъ Попа-Лучкая на *ѣ* какъ на „*і* острое“, должно оправдать замѣну этого звука послѣ мягкихъ звуковъ посредствомъ и. „Русскіе въ Россіи (Russi) соблюдаютъ этотъ законъ благозвучія лишь въ дифтонгѣ їй, въ иныхъ двугласныхъ употребляютъ *ѣ*, откуда получается злодѣѣ, обычаѣ, змїи. Rutheni тоже любятъ сохранять означенную особенность, но такъ какъ это происходитъ не вездѣ и не при всѣхъ гласныхъ, то я указалъ оба способа“ (ib.). Упоминаемая черта, дѣйствительно, принадлежитъ всему южно-карпатскому русскому нарѣчію; лучанск. *на-ô'бôрôз'ї, на-дê'р'êв'ї,* но *на-конї' (кўн'), у̯-ло[і̯]ї', у-гно[і̯]ї',* причемъ, повидимому, существуютъ и колебанія (ср. *на-денцї' [денце'], на-сê'р'ц'ї).*[2]) Наконецъ, Попъ-Лучкай указываетъ на возможность образованія м. ед. въ

---

[1]) Должно быть: ꙗцкѹ — отъ *Яцко „Яковъ“*.

[2]) Въ иныхъ говорахъ послѣдовательно *-і* во всѣхъ случаяхъ: *на-се'рці* и т. д.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ю.-к. русскомъ нарѣчіи и посредствомъ *-у*: „Loc. in ꙋ etiam in comuni observatur: на жирꙋ, на верхꙋ“ (ib.). Этого рода м. ед. въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая весьма обыченъ, какъ послѣдствіе, повидимому, не только распространенія окончанія м. ед. *-у* (изъ основъ на *-у*), но и вслѣдствіе совпаденія мѣстнаго съ дательнымъ, ср. лучанск. *на вôу̯'ку* (или *на вôу̯'кові*); *у̯ ієннӱ'м рô'ц'î, по новô'му рô'ку; на кугуш'î'* или *на кугушу'*, м. ед. *укрô'пу (укрӱ'п), з'ä'ш'у, гô'с'ш'у,* но *на-пôд'î', у̯-сад'î', на-кôл'î'*. Затѣмъ слѣдуютъ „неправильныя“ („anomala“) м. р., къ которымъ причисляются, „въ виду зависимости формъ склоненія отъ рода“, „имена м. р. съ окончаніемъ а, которыя слѣдуютъ женскому склоненію на а“, и „на о, простонародное слово тесько, одноименный, склоняемое какъ сын“ (41). Объ именахъ послѣдняго рода, на *-о,* дѣлается упоминаніе и среди „правильныхъ“ м. р. („хлопенко, uti раб“, 36.[1]) Въ склоненіи представляющихъ „anomaliam veram“ Господь, пꙋть, день, братїѧ, указанія на особенности „Ruthenica“ отсутствуютъ.

Склоненіе женскихъ именъ представило автору менѣе случаевъ для объясненій, по причинѣ незначительнаго расхожденія между образцами „славянскаго“ и русскаго склоненія. Род. ед. ж. р. звучитъ у Лучкая воды, земли, рѣчи, дат. ед. водѣ, земли, рѣчи (42). Извѣстно, что древне-русскій р. ед. мягкихъ основъ есть *землѣ* (гдѣ *-ѣ* соотвѣтствуетъ др.-ц.-слав. *-ѧ*: р. ед. землѧ), замѣстителемъ чего въ современномъ ю.-к. русскомъ нарѣчіи является, вслѣдствіе *ѣ>î*, *зêмл'î'* (ю.-мороморышск. *зêмн'î'*). Написаніе *земли* у Попа-Лучкая соотвѣтствуетъ языку и правописанію церковныхъ книгъ русской редакціи, а также обычному русскому правописанію. Им.-в. мн. звучитъ въ нашей грамматикѣ: воды, землѣ(и), рѣчи (48); древне-рус. им.-в. мн. *землѣ* (др.-цсл. землѧ), современное ю.-к. рус. *зê'мл'î* (ю.-мороморышск. *зê'мн'î*). Написаніемъ землѣ Лучкай хотѣлъ точнѣе передать подлинное народное произношеніе, прибавленное въ скобкахъ (и) соотвѣтствуетъ традиціонному правописанію. Тв. ед.: водов, землев, рѣчев(ов) (42) слѣдуетъ читать *землёв (зêмл'оу̯'), рѣчов (р'î'чоу̯),* какъ слышится въ большинствѣ ю.-к. русскихъ говоровъ.[2]) Р. мн. вод, земель, рѣчей (ib.) вызываетъ замѣчаніе Попа-Лучкая: „при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ и отсутствіи гласнаго, при образованіи родительнаго мн., вставляется е или о; е вставляется, когда послѣднимъ согласнымъ является л, м, н; землѧ, земель, но и иные согласные не пренебрегаютъ этой вставкой, когда того требуетъ благозвучіе: сꙋдеб, овец; о чаще всего вставляется въ словахъ съ окончаніемъ ка: дѣвка, дѣвок“ (44 сл.). Незнакомство, вслѣдъ за Добровскимъ, со звуковымъ значеніемъ старыхъ глухихъ *ъ, ь*

---

[1]) Подобныя образованія *(хлопенко)* въ ю.-к. русскомъ нарѣчіи не встрѣчаются. Зато очень распространены *ше'ско,* уменьшительныя *мі'шо* „Миша“, *мі'ш'о* „Митя“, *п'ê'ш'о* „Петя“, земл. *лешко* „Алёшка“ и т. д.

[2]) Исключеніе составляетъ южно-мороморышскій говоръ, гдѣ находимъ, вмѣсто того, *земніу̯', сме'ршіу̯ (с'м'êр'ш'), р'îчіу̯,* съ сохраненіемъ окончанія основъ на *-і (сме'ршіу̯* изъ *смерші[і̯]у, смершію*) и перенесеніемъ его на основы на *-і̯а (земніу̯').*

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

не позволяло правильно объяснить дѣйствительное происхожденіе р. мн. *дѣвок* изъ *дѣвък(ъ)*, при *дѣвка*<*дѣв(ъ)ка*, но и отличить отъ него *земель*<*земль*, съ развившимся новымъ глухимъ, уже послѣ паденія старыхъ глухихъ. Что касается р. мн. вод (42), то слѣдуетъ замѣтить, что въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая подобныя образованія рѣдки: *жўн (жона́), короу̯', дын', хіж;* чаще слышится *хіжўу̯'* (им. *хіж'і'*), *губўу̯'* „губъ", *кумўу̯' (кума́)*,[1]) *р'ікўу̯'* „рѣкъ", *водўу̯'* „водъ", съ перенесеніемъ окончанія р. мн. изъ основъ м. р.; въ другихъ говорахъ это послѣднее явленіе встрѣчается рѣже.[2]) Р. мн. рѣчей (отъ основъ на *-і* ж. р.) не передаетъ дѣйствительнаго произношенія не только въ лучанскомъ, но и во всей группѣ южно-карпатскихъ русскихъ говоровъ, гдѣ въ указанномъ случаѣ исключительно слышится *-і* (<*-і[i̯]*, др.-церк.-слав. -ий): р. мн. *часті', масті'*, также *свіні', курі'* (ед. *ку'ріц'а*), подобно тому, какъ и въ мужескомъ родѣ (р. мн. *ко'ні, гро'шы* [им. *гро̂'ш'і*]).[3]) Въ этомъ же смыслѣ и р. мн. церквїй (43) нужно разумѣть какъ *церкві'*. Впрочемъ, въ лучанскомъ и эти имена могутъ принимать *ўу̯*: *шу̯а'рўу̯* (им. *шу̯ар'* „лицо"). Д. мн. водам, землам, рѣчем(ом), м. мн. водах, землах, рѣчах (43); въ лучанскомъ говорѣ обѣ формы ж. именъ на *-і* живутъ рядомъ: на *-'ом, -'ох* и на *-'ам, -'ах (час'ш'а'м, час'ш'а'мі, час'ш'а'х* и *ку'р'ом, курмі', ку'р'ох)*. Особо помѣщаетъ Попъ-Лучкай, какъ образецъ именъ, оканчивающихся на овь, церковь, причемъ единственнымъ отступленіемъ русскаго склоненія по сравненію съ „славянскимъ" оказывается, кромѣ р. ед. церкви, еще тв. ед. церквлевь (45), т. е. *церквлёвь*, противъ „славянскаго" церквїю. Въ лучанскомъ онъ звучитъ *це̂р'ко̂у̯л'оу̯*, въ другихъ говорахъ *це̂р'ку̯л'оу̯* (зап.-землинск.). Въ слѣдующемъ затѣмъ склоненіи „anomala" (мати, дщи) особенности русскаго склоненія не приводятся.

Средній родъ представленъ въ грамматикѣ Михаила Попа-Лучкая русскими примѣрами: село, поле, была (46). Д. ед. селѹ, полю, былю слышится отъ мягкихъ основъ, въ лучанскомъ чаще съ окончаніемъ *-'ові*: *селу', сло̂'уу̯*, но *по̂'л'у* или *по̂'л'ові, мо̂'р'ові*. Тв. ед. полем, ом, былем, ом нужно читать, соотвѣтственно правописанію Попа-Лучкая, *полём, былём (по'л'ом, бы'л'ом)*. Для м. ед. онъ указываетъ поли, былѣ(и), что́ въ лучанскомъ говорѣ въ дѣйствительности звучитъ *бы'лю (бы'л'у)*, съ окончаніемъ, перенесеннымъ отъ основъ на *-у;* тв. ед. *бы'лі* принадлежитъ къ склоненію слова *быль* (ж.). Р. мн. сел, поль (ib.) въ родномъ говорѣ автора грамматики звучитъ *сі̂л* или *с'ўл, слўу̯*, чаще же съ перенесеніемъ окон-

---

[1]) Р. мн. муж. рода (отъ *кум*)—*кумо̂'ўу̯*.

[2]) Одно замѣчаніе Попа-Лучкая въ синтаксисѣ касается разбираемой здѣсь формы, именно, объ отсутствіи якобы согласованности прилагательнаго съ существительнымъ въ предложеніи: „немож найти добрых кони pro коней, vel добры кони" (141). Въ дѣйствительности здѣсь добрых кони — правильная народная форма р. мн., вмѣсто книжнаго *коней* (ср. ниже).

[3]) Зап.-землинск. *грошы*, р. *грошы* (съ измѣненіемъ, въ силу послѣдовательности звукового закона, *і*>*ы* послѣ шипящихъ въ этомъ говорѣ).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

знаву вм. *знаю* онъ считаетъ однороднымъ съ существующей двоякой формой настоящаго времени отъ глагола *жити—живу* и *жію:* „многіе глаголы этого склоненія принимаютъ ꙋ вмѣсто ю, живꙋ, плѣꙋ, въ русскомъ (in Ruthenica) довольно часто знаꙋ, плюꙋ и пр., вмѣсто жію, плѣю, знаю, плюю“; при этомъ „само ꙋ въ нѣкоторыхъ отсутствуетъ уже со 2 лица настоящаго вр.: знаꙋ, знаєш“ (89). Извѣстно, что *живу*, будучи засвидѣтельствовано въ древнѣйшихъ памятникахъ церк.-славянскаго языка, своимъ *в* не обязано исчезновенію *i̯* между гласными. Въ такомъ видѣ встрѣчаемся съ нимъ въ большинствѣ говоровъ восточной половины южно-карпатской русской языковой области.[1]) Между тѣмъ, въ *знаву, знавушъ* этотъ звукъ *(в)*, имѣющій мѣсто только впереди *у* и отсутствующій во всѣхъ иныхъ положеніяхъ, развился, какъ это ясно въ настоящее время, изъ самого этого гласнаго, въ видѣ переходнаго *у̯ (зна'[у̯]у, зна'[у̯]уш),* получивши затѣмъ значеніе какъ-бы самостоятельнаго согласнаго. Наконецъ, Попъ-Лучкай не позабылъ отмѣтить даже такую незначительную особенность гласнаго состава южно-карпатскаго русскаго нарѣчія, какъ произношеніе, въ нѣкоторыхъ говорахъ, начальныхъ *о-*, *у-* съ болѣе сильнымъ округленіемъ впереди, доходящимъ до *у̯* или до билабіальнаго (или губно-зубного) съуженія *(β, в)*. „Часто русскіе люди (Rutheni), въ простонародной бесѣдѣ, впереди о и ꙋ прибавляютъ к, какъ богемцы: воко, вꙋхо, вон (вйн) ille, вꙋдица“ (18), что́ авторъ, однако, не одобряетъ „ни въ коемъ случаѣ“ къ подражанію („sed id nullatenus probandum“, ib.). Отмѣченная черта и нынѣ наблюдается въ произношеніи села В. Лучекъ: *во'ко*, мн. *во̂'чі, у̯у'хо* или *ву'хо,* будучи распространена и въ иныхъ говорахъ.

Относительно состава согласныхъ замѣчанія Попа-Лучкая менѣе обширны, касаясь лишь нѣкоторыхъ особенностей южно-карпатскаго русскаго нарѣчія. Это и понятно; согласные обнаруживаютъ менѣе рѣзкія измѣненія по сравненію съ церковно-славянскимъ. Согласный *г* звучитъ какъ латинскій *h*, „въ русскомъ, къ тому же, внутри словъ, какъ χ, легкій; даже въ иностранныхъ словахъ, но пріобрѣвшихъ право гражданства, г сохраняетъ звукъ *h*: Гаврило, Havrilo, Гриц, Hritz, въ немногихъ, однако, какъ славянскихъ, такъ и чужихъ произносится *g*: нигды, nigdu, бигарь, bigarj“ (3). Въ дѣйствительности, *г* и въ концѣ словъ звучитъ

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что *живу* держится преимущественно въ тѣхъ говорахъ, гдѣ подавленіе *i̯* въ 1-мъ ед. и 3-мъ мн. глаголовъ проведено послѣдовательно во всѣхъ относящихся сюда случаяхъ: *шї'у̯у (шї'шї), мы'у̯у, купу'у̯у, зна'у̯у.* Наоборотъ, въ той группѣ говоровъ (западной), гдѣ указанное состояніе нарушено или не распространено въ такой мѣрѣ, слышится исключительно *жы'i̯у;* ср. въ западномъ Землинѣ: *кап'ї'i̯у* „влачу жизнь, прозябаю“, *шы'i̯у* „шью“, *мы'i̯у, купу'іу,* но *зна'у̯[у], зна'ші, ма'у̯[у], ма'ші* (съ редуцированнымъ *[у]*, теперь замѣняемыя, въ бесѣдѣ младшаго поколѣнія, словацкими *знам, мам,* въ виду почти полнаго совпаденія наст. вр. *зна'у̯[у]* съ прош. *знау̯),* 3-е мн. *зна'уш, зна'у̯уш,* при *знаш, знаш, зна'ме, зна'ше,* то-есть подавленіе *i̯* въ 1-мъ ед. и 3-мъ мн. глаголовъ съ основой на *-а*, гдѣ въ остальныхъ лицахъ наст. вр. произошло и стяженіе. Въ говорѣ Великихъ Лучекъ слышится рядомъ *жыву'* и *жы'ю.*

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

чанія *-ўх* (<*-ōв[ъ]*): *пôл'ўх, мôр'ўх, сô'н'ц'ўх,* въ особенности у мягкихъ основъ. Д. мн. селом, полем, їм, ѧм (причемъ полем нужно читать *по'лём*) соотвѣтствуютъ дѣйствительно существующему въ лучанскомъ колебанію въ этихъ формахъ; наряду съ *се'лўм* или *се'лам*, говорятъ, отъ мягкихъ основъ, чаще всего *пô'л'ом, мô'р'ом,* рѣже *пô'л'ўм, пôл'а'м,* и подобно же въ тв. мн., соотвѣтственно указаннымъ въ грамматикѣ селами, снльми, полѧми, — *се'ламі,* рѣже *сîлмі', пôл'а'мі.* Въ м. мн. селѣх,ох, полѧх лучанскій говоръ знаетъ въ настоящее время *сê'л'îх* или *се'лах* и *пôл'а'х.* Къ этимъ падежамъ Попъ-Лучкай дѣлаетъ слѣдующія примѣчанія: „дательный въ славянскомъ на ом, но in Ruthenica также на ам и ѧм, что изъ простого русскаго языка (ex communi Russica) занесено и въ книги“ (48). „Окончаніе мѣстнаго ѣх, но иногда и ех, чадех, патрех, рѣже ох, селох, колѣнох (что́ въ простонародномъ языкѣ употребительно“, ib.). Окончаніе *-ох* держится въ особенности въ западныхъ говорахъ (зап.-землинск. *селох, пôл'ох*). Въ видѣ примѣра склоненія „cum interjectione ен, ес, ѧт“, Попъ-Лучкай приводитъ, для русскаго языка, телѧ (46 сл.). „(Нараще́ніе) ѧт принимаютъ прежде всего имена животныхъ на ѧ: потѧта, щенѧта. Первыя два augmentationes въ простонародной русской рѣчи не употребляются, но послѣднее представляется весьма необходимымъ“ (47). Это склоненіе звучитъ:

у Попа-Лучкая:		Въ нынѣшнемъ луч. говорѣ:	
Singul.	Pluralis	Единств.	Множ.
N. телѧ	телѧта	*тêл'а'*	*тêл'а'та*
G. телѧте	телѧт	*-л'а'ті*	*-л'а'т*
D. телѧти	телѧтем, ом	*-л'а'ті*	*-л'а'т'ўм*
A. телѧ	телѧта	*-л'а́'*	*-д'а'та*
So. телѧтем, ом	телѧтми	*-л'а'т'ом*	*-л'а'т'мі*
L. телѧти, ѣ	телѧтѣх	*-л'а'ті*	*-л'а'т'ох.*

Изъ этого сопоставленія видно, что, кромѣ р. ед. телѧте и м. мн. телѧтѣх, всѣ остальные падежи соотвѣтствуютъ тому, что и нынѣ слышится въ Великихъ Лучкахъ. Впрочемъ, р. ед. *тêл'ате* извѣстенъ въ зап.-землинск. говорѣ. Тв. ед. и д. мн. телѧтем нужно читать *теля'тём;* имѣлъ ли Попъ-Лучкай этимъ написаніемъ въ виду окончаніе *-'ом* или *-'ўм,* трудно рѣшить (первое, изъ *-ьмъ,* распространено въ землинск. и ю.-мороморышскомъ говорахъ, второе происходитъ отъ основъ на *-о*). Зап.-землинск. говоръ знаетъ и второе изъ приводимыхъ для этихъ падежей окончаній: тв. ед. и дат. мн. телѧтом, зап.-землинск. тв. ед. *тêл'атом,* д. мн. *тêл'ат'îм* (<*-ōмъ*). Наконецъ, мѣстный мн. телѧтѣх (съ окончаніемъ тоже основъ на *-о*) мнѣ не приходилось встрѣчать; въ однихъ говорахъ онъ звучитъ *тêл'а'т'ох,* въ другихъ *тêл'а'тох.* Что касается остальныхъ двухъ „augmentationes“, ен и ес, о которыхъ Михаилъ Попъ-Лучкай говоритъ, что они „in communi Ruthenica non usuantur“ (47), то на самомъ дѣлѣ южно-карпатское русское нарѣчіе знаетъ нѣкоторыя принадлежащія сюда формы;

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ср. напримѣръ, въ лучанск. говорѣ: *о чуда' чуда' бы'лі, вѐлікі' чудеса', дау'но чуде'с было много;* р. мн. *чуде'с* или *чуд,* тв. *вѐлікі'ма чуда'мі, чудеса'мі,* м. *чуда'х* или *чудеса'х.* Изъ другихъ принадлежащихъ сюда, *мн'а* „имя" склоняется: р. *мн'а,* д. *мн'у* или *мн'о'ві,* утративши, кромѣ нѣсколькихъ падежей (р. мн. *много і'мен*), свое старое склоненіе.

Склоненіе прилагательнаго, какъ утверждаетъ Попъ-Лучкай, въ ю.-к. русскомъ нарѣчіи „то-же самое, что и въ старо-славянскомъ; единственное различіе состоитъ въ томъ, что въ однихъ падежахъ употребляются опредѣленныя, въ другихъ неопредѣленныя формы и что русскіе люди (Rutheni) между собой производятъ обыкновенно стяженія въ тв. ед. ѡв и ѥв, подобно тому, какъ въ существительныхъ" (59). Неопредѣленными (нечленными) онъ считалъ им. ед. ж. стара, в. старꙋ, однако, эти формы суть, какъ нынѣ извѣстно, членныя, возникшія изъ стяженія (*стара*<*старā, стараа*<*стара[i̯]а*); это видно уже изъ того, что ср.р. звучитъ всегда *старое* (*ста'ро[i̯]е*). Им. мн. Попъ-Лучкай передаетъ въ видѣ стари для м., стары или старѣ для ж., старѣ для ср. р. (60). На самомъ дѣлѣ, въ родномъ его говорѣ слышится (и безъ сомнѣнія слышалось и въ его время) одинаково для всѣхъ родовъ: *старі', золоті', тоусті', молоді',* съ окончаніемъ *-і,* безо всякаго смягченія согласнаго.[1]) Относительно мн. ч. „стары vel старѣ", приводимаго въ качествѣ ж. р., вызываетъ сомнѣніе уже двойственность формъ, якобы существующихъ рядомъ; повидимому, авторомъ руководило желаніе сблизить склоненіе прилагательныхъ съ церк.-славянскимъ. Ни въ одномъ изъ южно-карпатскихъ русскихъ говоровъ нѣтъ особыхъ формъ прилагательнаго въ мн. ч. для каждаго рода отдѣльно, какъ и во всемъ русскомъ языкѣ вообще; въ русскомъ литературномъ языкѣ такія отличія въ написаніи мн. числа (*золотые* м., *золотыя* ж. и ср.) сохраняются, какъ извѣстно, искусственно. Ю.-мороморышскій говоръ имѣетъ въ мн. ч. всѣхъ родовъ: *стар'і', золот'і',* то-же въ ужскомъ и вост.-землинскомъ говорѣ; въ зап.-землинскомъ — *стары, золоты.* Подобной же искусственностью отличаются и прочіе падежи мн. ч., приводимые Попомъ-Лучкаемъ: д. мн. старом vel старым м. и ср., старам vel старым ж.; м. мн. старѣх м. и ср., старах ж. (60). Что эти формы искусственны, видно изъ старанія самого автора доказать ихъ дѣйствительное существованіе въ устахъ народа: „существованіе дат. на ом и ам можно легко наблюдать, если принять во вниманіе произношеніе употребляемой въ правописаніи буквы о: небогом простаком (въ обоихъ случаяхъ ӥм) бѣды завдавают, небогам женам покой не дают" (61). Можно допустить, что въ извѣстныхъ сочетаніяхъ словъ подобныя нечленныя (именныя) формы, въ указанномъ видѣ (*небогӥм простакӥм, небогам жонам*), могли дѣйствительно держаться, и въ этомъ отношеніи нѣтъ причины не вѣрить показанію Попа-Лучкая. Подобные примѣры наблюдаются и теперь въ разныхъ говорахъ; ср. обычное въ зап. Землинѣ выраженіе: *чудна*

---

[1]) Часто, повидимому, это *-і* является узкимъ (напряженнымъ).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

чудеса, гдѣ встрѣчаемъ именное склоненіе прилагательнаго ср. р. во мн. числѣ. Однако, это не значитъ, чтобы им.-вин. мн. ср. рода правильно звучалъ въ этомъ говорѣ *чудна*, ибо обыкновенно слышится *чудны, золоты* для всѣхъ родовъ одинаково. Подобно же наблюдаются остатки именного склоненія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ именная форма, по сравненію съ членной, имѣетъ иное значеніе; зап.-земл. *годен, годна, годно*, мн. ч. *годнї*, что формально есть им. мн. муж. рода, но примѣняется для всѣхъ родовъ одинаково: *жены не годнї* „жоны не въ состояніи, не могутъ". Членный видъ того-же прилагательнаго звучитъ *гїдныі* и значитъ „довольно великій, значительный, объемистый, довольно сильный"; отъ него мн. ч. всѣхъ родовъ *гїдны* (*д'ївоч'кы уж гїдны*). Ср. и въ бережскомъ говорѣ *го'ден, го'дна* „въ состояніи", мн. *го'днї*, и *гу'нныі* „не грѣшный".[1])

Въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ падежамъ Попъ-Лучкай указываетъ, что „чаще всего употребляется именительный на ый и їй: страшный, вчерашнїй, овчїй, но употребительна и неопредѣленная форма: здрав бѹдь. Форма на ь тоже встрѣчается: хвост коровль, но чаще на їй: коровлїй, овчїй; женскій родъ имѣетъ всегда неопредѣленную форму: волова нога, крива верба, добра дѣвка, коровлѧ цицка, ср. же родъ то неопредѣленную, то опредѣленную: кривое дерево, мѣсто страшно, коровле вымнѧ, телѧча голова" (60). Въ дѣйствительности, въ народномъ языкѣ такія нечленныя формы, какъ коровль, не встрѣчаются, здрав въ такомъ видѣ извѣстно лишь въ западныхъ говорахъ (зап.-землинск. *здраўыі*), въ среднемъ же родѣ нечленныя прилагательныя въ тѣхъ же говорахъ употребительны при названіяхъ деревьевъ (*іасено'ўо дерево*). Род. ед. ж. р. на *-ой* Попъ-Лучкай считаетъ дательнымъ падежомъ, ибо „въ славянскомъ языкѣ дательный часто замѣняетъ и родительный; ср. въ склоненіи (существительныхъ м. р.), гдѣ род. на ѹ есть ничто иное, какъ дательный" (61). Это совпаденіе обоихъ падежей, р. ед. ж. старой и д. старой, существовало, однако, лишь на бумагѣ; говоръ села Лучекъ представляетъ, въ дѣйствительности, совершенно различныя формы для р. ед. (*старо'і*) и для д. ед. ж. (*старўў'*). Та-же форма (*старўў*) повторяется въ м. ед. ж., будучи передаваема уже инымъ способомъ: старѣй (59), изъ подражанія церк.-славянскому и, можетъ быть, вслѣдствіе желанія установить разницу между д. и м. ед. „Locativus in ѣм et ѣй et

---

[1]) Одно прилагательное во всѣхъ говорахъ южно-карпатской русской языковой области сохраняетъ во всѣхъ падежахъ именное склоненіе, именно: *ру'ска* „женщина русской народности, селянка", мн. ч. бережск. *рускі'* (ю.-морм. *рускы'*), р. *русо'к*, д. *руска'м*. Въ сознаніи говорящихъ это слово перестало принадлежать къ разряду прилагательныхъ, отъ которыхъ отдѣлилось и внѣшне, утративши главный признакъ всѣхъ прилагательныхъ съ суффиксомъ *-ьскъ*, именно палатальность *с'*: *ру'с'кіі* (ю.-моромор., з.-земл. *ру'с'кыі*), *ру'с'ка, ру'с'ко[і]е* „русскій"; ср. бережск. [Лучки] *ру'с'ка д'ўў'ка* „русская дѣвушка", при *ру'ска* „русская женщина-селянка" съ *с* „твердымъ". Этотъ послѣдній примѣръ ясно свидѣтельствуетъ, что именное склоненіе, если оно гдѣ-нибудь и сохранилось, существуетъ, какъ нѣчто особое, внѣ обыкновенной схемы склоненія прилагательныхъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Ruthenicae proprius, et Slavicae conveniens" (61). Попъ-Лучкай, разумѣется, не могъ не знать упомянутой народной формы д.-м. ед. ж. р. *старӱу̯'*, которая, кромѣ Лучекъ, распространена почти по всему пространству, занимаемому говорами съ *ӱ*, какъ замѣстителемъ старыхъ *ō*, *ē*, однако, по всей вѣроятности, онъ затруднялся въ ея передачѣ, какъ отъ книжнаго, образованнаго произношенія слишкомъ отличной и не допускающей обычной замѣны *ӱ (ӥ)* „образованнымъ" *о* (ср. въ муж. родѣ м. ед. *старом=старӱ'м*). Въ самомъ дѣлѣ, если бы Лучкай держался обычнаго соотвѣтствія *ӱ* книжному *о*, а также *у̯* — книжному *в*, то пришлось бы написать д. и м. ед. старов, что̀ не отличалось бы отъ тв. ед. старов *(стару̯')<старою;* съ точки зрѣнія не только книжной (литературной) русской рѣчи, но и съ точки зрѣнія всѣхъ остальныхъ южно-карпатскихъ русскихъ говоровъ, такая, возстановленная подъ цвѣтъ старины, форма старов была бы непонятна какъ дательный, ибо всѣ остальные говоры знаютъ лишь обычный въ русскомъ д. ед. ж. *старӱі̯'* (ю.-моромор., ужск., в.-землинск.), *стар'ії̯* (зап.-землинск.) и т. д., восходящій къ старшему *старой (старōі̯[ь])*. Въ настоящее время сочетаніе *ӱі̯ (<ōі̯)* въ говорѣ села Великихъ Лучекъ измѣнилось, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разрядовъ словъ, въ *ӱу̯* въ указанныхъ падежахъ прилагательныхъ и мѣстоименій *(у̯ тӱу̯ хі'жі* „въ той хижѣ"). Соотвѣтственно измѣнились сочетанія *іу̯ (<ѣв) ії̯* въ *ӱу̯*: лучанск. *д'ӱу̯'ка* „дѣвка", *хл'ӱу̯* „хлѣвъ" *(у-хл'ів'і')*, *над'ӱу̯'* „надѣлъ", *хо̂т'ӱу̯'* „хотѣлъ", *хрестӱу̯'* или *хрестіу̯* „крестилъ", *про'тӱу̯* „противъ". Оба явленія представляются послѣдствіемъ распространенія округленія губъ на все сочетаніе: *ӱі̯>ӱу̯>ӱу̯* и *іу̯>ӱу̯*. Давность послѣдняго измѣненія *(іу̯>ӱу̯)* не должна быть значительна (ср. колебаніе: *хрестӱу̯'*, *хрестіу̯')*. Въ виду отсутствія упоминанія въ грамматикѣ Михаила Попа-Лучкая, тщательно отмѣчающаго звуковыя особенности его родного говора, можно было бы допустить, что въ его молодые годы, когда онъ могъ пріобрѣсти основательное знаніе родной рѣчи, указанныя явленія еще не успѣли окончательно распространиться на всѣ принадлежащіе сюда случаи. Однако, вѣроятнѣе предположить, что невозможность свести эти особенности къ обычнымъ грамматическимъ и правописнымъ нормамъ, согласно высказанному имъ принципу, заставила его умолчать о нихъ.[1])

Въ главѣ: „De comparatione. Ѡ сравненіи" вѣрно передаются существующія въ этомъ отношеніи особенности южно-карпатскаго русскаго нарѣчія. Наряду съ такими образованіями, какъ добрый —лѣпшій, малый—меншій, великій—болшій (лучанск. *бӱ'лшы̯і*)[2]), злый—горшій, злѣйшій (т. е. *гӱ'ршы̯і*) (63), не представляющими никакого отличія по сравненію съ русскими говорами иныхъ группъ, Попъ-Лучкай приводитъ и характерный для его родного говора способъ

[1]) Школьное обученіе, какъ пришлось удостовѣриться, и теперь изглаживаетъ изъ сознанія уроженцевъ этихъ мѣстъ, учениковъ Мукачевскихъ школъ, представленіе о томъ, что въ ихъ родномъ говорѣ произносятъ *д'ӱу̯'ка*, а не *д'іу̯'ка*.

[2]) Здѣсь, какъ и впереди гласныхъ, слѣдуетъ разумѣть *л* средній.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

образованія сравнительной степени: „г переходитъ въ ж: строгїй —строжїй, дорогїй—дорожїй, но долгїй имѣетъ долшїй; д переходитъ въ ж: молодый—моложїй... Въ славянскомъ и русскомъ (Ruthenica) даже дк, тк переходитъ въ ж: гладкїй—глажїй, рѣткїй—рѣжїй. Это обычно только въ русскомъ, въ славянскомъ — гладшїй и т. д.“ (62). Сюда нужно прибавить и пѹст, пѹщшїй (ib.); *пу'щій* въ ю.-к. рус. нарѣчіи имѣетъ значеніе „хуже, горше“, какъ въ обще-русскомъ литературномъ языкѣ *(пуще)*. Для Попа-Лучкая не было, разумѣется, ясно соотношеніе между такими образованіями, какъ *дорожій, глажій, рѣжій* и *гладшій;* у Добровскаго (332 сл.) встрѣчаются образованія лишь второго типа, а потому Попъ-Лучкай признаетъ послѣднія „славянскими“ („Slavica“), а первыя русскими. Въ настоящее время извѣстно, что первыя представляютъ правильную членную форму м. р. *(глажій,* именная форма *глажь<глад јьс)*, которая въ этомъ видѣ обобщена въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи для всѣхъ родовъ, образуемыхъ отъ нея по образцу прилагательныхъ членныхъ („положительной степени“): *глажій, глажа, глажо[i̯]е.* Нарѣчіе къ сему — *глаже* Вторая форма: *гладшій,* встрѣчаемая въ западныхъ говорахъ южно-карпатской русской языковой области (Зап. Землинъ, Шаришъ, Спишъ), а также исключительно извѣстная во всей малорусской группѣ говоровъ (*дорожшій* и т. д.), произведена по тому же способу не отъ м. р. первоначальнаго вида сравнительной степени, а отъ женской ея формы: *глажьши (<глад-јьши<глад-јс-ī),* откуда по образцу прилагательныхъ членныхъ: м. р. *гладшій,* ж. *гладша,* ср. *гладше* (съ возстановленіемъ *д* изъ положительной степени *[гладкій],* вмѣсто *ж<дј* сравнительной степени). Общерусскій литературный языкъ имѣетъ, какъ извѣстно, сравнительную степень лишь въ видѣ средняго рода, *глаже, дороже,* употребляемаго предикативно и въ видѣ нарѣчія.[1]) Упоминаемой у Михаила Попа-Лучкая сравнительной степени на ѣйшїй (свѧтѣйшїй, чистѣйшїй) въ его родномъ говорѣ соотвѣтствуютъ: *кр'îпч'îшшы̯і, ч'удêсн'î'шшы̯і.* Превосходная степень, какъ указано имъ, „образуется посредствомъ прибавленія впереди най: най лѣпшїй, най меншїй, най горшїй“ (63). Въ западныхъ говорахъ (зап. Землинъ), вмѣсто *най,* слышится *няй*: *н'ä̯іл'î'пшы̯і;* въ восточныхъ говорахъ *най* отчасти совпало съ волошскимъ *май* (румынск. *mai*<лат. *magis*): *маі̯ л'îпші̯і, маі̯ до'брыі̯,* что̀, впрочемъ, извѣстно и въ западной части южно-карпатской русской языковой области. Наконецъ, грамматика упоминаетъ объ образованіи сравнительной степени посредствомъ прибавленія впереди пре или все: преосвѧщеннѣйшїй, всемилостивѣйшїй (63). Такой способъ извѣстенъ и въ южно-карпатскихъ русскихъ говорахъ; именно, онъ широко распространенъ въ зап. Землинѣ, гдѣ *пре* прибавляется, для усиленія, не только къ прилагательнымъ, но и къ инымъ словамъ, напр.

---

[1]) Въ лучанскомъ говорѣ это образованіе звучитъ, точнѣе, *доро'д'ж'і̯і,* съ сохраненіемъ аффикаты *д'ж'*, непосредственно развившейся изъ *gj,* упрощеніемъ которой есть *ж.*

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

добрый—предобрый, ніч'—прені'ч'ого „совсѣмъ ничего", *т'іц'ко—пр'ешт'іц'ко* „столько лишь мало".

Числительныя нашли себѣ у Лучкая подробное изложеніе, въ ихъ отличіяхъ отъ „старо-славянскаго". Количественныя шесть (шѣсть), седмь (сѣм), осмь (восем), единадсѧть, дванадсѧть и т. д. (64) звучатъ въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая *шіст', с'ім, вў'с'ам,*[1]) *іедена'тц'ат', двана'тц'ать.* Числительныя пѧтьдесѧть, шестьдесѧть и т. д. (ib.) Попъ-Лучкай не передаетъ въ согласіи съ своимъ роднымъ говоромъ, гдѣ они звучатъ, какъ и въ большей части южно- карпатскихъ русскихъ говоровъ, съ твердымъ конечнымъ *-т: піадêс'а'т, шіздêс'а'т, с'і'мдêс'а'т* (или *с'імдêс'а'т*) и т. д.; написаніе, проводимое авторомъ (пѧтьдесѧть), основано на стремленіи къ послѣдовательности въ написаніи *десять,* въ соотвѣтствіи съ чѣмъ онъ возражаетъ и противъ написанія *единадцать*: „Russi scribunt: единадцать etc., sed praestat conservare radicales, nam non dicitur децать, sed десѧть" (64, прим.). Въ современной грамматикѣ, однако, извѣстно, что *пятьдесятъ* заключаетъ въ себѣ р. мн. *десятъ,* отъ основы на согласный, представляя первоначальную форму этого рода числительныхъ сложныхъ, между тѣмъ, какъ *пятьдесять* (какъ произносятъ, напр., въ зап. Землинѣ) есть новообразованіе, съ возстановленіемъ *-ть* изъ ед. ч. *десять.* Вмѣсто девѧтьдесѧть (65), слышимаго въ бережскомъ говорѣ (съ окончаніемъ *-тъ*) и западнѣе, на востокѣ (въ ю. Мороморышѣ) говорятъ *девяносто.* Такъ же, вмѣсто приводимыхъ *двасто, тристо, пятьсто* (ib.), слышимыхъ, кромѣ бережскаго, и во всѣхъ говорахъ западныхъ, въ южномъ Мороморышѣ говорятъ исключительно *дв'і'ста, трі'ста, піатсо'т.* Въ склоненіи два, двѣ (ж. и ср.) указаны падежи: р. *двох,* д. *двом* (м.), *двѣм* (ж., ср.); обѣ послѣднія формы звучатъ *двом* для всѣхъ родовъ, подобно же тв. *двома,* вмѣсто двома м. и ср. и двѣма ж. (66); двѣм, двѣма внесены подъ воздѣйствіемъ церк.-славянскаго (д.-тв. *двѣма*). М. двоих принадлежитъ не сюда, относясь къ склоненію *двое* (лучанск. *два[і]е',* зап. *двôіі*); тв. отъ *два* есть *двома'* во всѣхъ говорахъ. Не позабылъ авторъ отмѣтить притомъ одну синтактическую особенность южно-карпатскаго русскаго нарѣчія, именно, что „въ значеніи именительнаго употребляется также: двоми, треми, овоми, т. е. ничто иное, какъ творительный" (66)[2]); *овоми,* однако, въ народной рѣчи неизвѣстно (возможно, употреблено авторомъ взамѣнъ дальнѣйшаго перечисленія). Трїе м., три ж. и ср. (66) соотвѣтствуетъ слышимому въ восточной половинѣ говоровъ (зап.-землинск. *три* для всѣхъ родовъ); род. у Попа-Лучкая указанъ трїех м., трех ж. и ср., однако, первая форма внесена по образцу „славянскаго", какъ видно и изъ формъ м. трех, д. трем для всѣхъ родовъ одинаково (читать нужно *трёх, трём*). Также четыри (67),

---

[1]) „Восемь" встрѣчается въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи въ слѣдующихъ видахъ: ю.-моромор. *ўў'с'ім* (или *ўў'с'ам*), бережск. *вў'с'ам,* зап.-землинск. *в'і'сем.*

[2]) Синтактически *они пришли двоми* нужно разумѣть подобно же, какъ обычныя въ русскомъ языкѣ выраженія: *полетѣлъ стрѣлой.*

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая такъ же, какъ и въ южномъ Мороморышѣ, имѣетъ особую форму *чотыре'*, обозначающую м. р., въ употребленіи безъ существительнаго *(чотыре' прішлї')*; четырех, четырем, пятех, пятем (ib.) нужно читать *четырёх*, *четырём* и т. д., какъ это отмѣчаетъ и самъ Попъ-Лучкай: „in Ruthenica e velut o sonat пятьом" (ib.). Тысящь (65, 67) есть форма, видоизмѣненная въ церковно-славянскомъ духѣ, которую авторъ не слышалъ изъ устъ народа; возможно, что уже въ то время въ бережскомъ говорѣ было распространено, въ значеніи „тысяча", мадьярское слово *ê'зêр'*, *два ê'зр'і* „двѣ тысячи" (мад. ezer). Наряду съ этимъ въ Лучкахъ (какъ и въ южномъ Мороморышѣ) слышится *тї'с'ач*, въ зап. Землинѣ *тї'с'äч'* „тысяча". Указанные у Попа-Лучкая на полы, in duas partes, пол дрвга, пол шеста (67) соотвѣтствуютъ лучанскимъ *на'-полы*, *пўх'друга*, *пўх'шеста* (ю.-моромор. *пў'друга*, *пў'шеста*). Склоненіе мѣстоименія весь, по указанію автора, въ родномъ говорѣ не отличается отъ „славянскаго", за исключеніемъ им. мн. всѣ вмѣсто ц.-слав. вси (68); въ дѣйствительности говорятъ лучанск. *хв'ê'с'*, *хс'ого'*, *хс'ому'* и т. д.[1]) Подобно же относительно склоненія четверо находимъ примѣчаніе: „in Ruthenica, qui casus sunt in usu, non differunt ab hac flexione" (68). При перечисленіи порядковыхъ: первый, вторый, указано: „Ruth. дрвгїй" (ib.). Какъ соотвѣтствіе „славянскимъ" трижды, четырижды, приведены: „in Ruth. раз, двараз, трираз, стораз" (ib.), между тѣмъ, какъ въ иномъ мѣстѣ упоминаются двѣчи, трѣчи (120), звучащія въ лучанскомъ *дв'і'чі*, *тр'і'чі*.

Михаилъ Попъ-Лучкай даетъ подробное сопоставленіе мѣстоименій, употребляемыхъ южно-карпатскимъ русскимъ нарѣчіемъ, съ мѣстоименіями церк.-славянскими (69). Вотъ они: иншїй „иной" (въ другихъ говорахъ *і'накыі* [ю.-моромор.], *іншакыі* [з.-землинск.]; тот; сесь, сесѧ, сесе,; сам, сама, само; кто vel тко. Въ лучанскомъ слышится, какъ и во всѣхъ восточныхъ говорахъ, только *тко* или *ко* (первое въ особенности послѣ гласныхъ.[2]) Соотвѣтственно говорятъ *да'тко* „кто-нибудь", у Попа-Лучкая дакто. Далѣе: якїй,

---

[1]) Въ южномъ Мороморышѣ слышится *хв'ê'с'* или *хс'ыі*, им. мн. *хс'і*, р. *хс'і'х* или *хс'ых*, *хс'ім* или *хс'ым* „всѣмъ" (послѣднія формы съ уподобленіемъ склоненію прилагательныхъ членныхъ: *добрых*, *добрым*, такъ же, какъ *тых*, *тым* вм. *тѣхъ*, *тѣмъ*); въ западныхъ говорахъ *весь* стало рѣдкимъ (зап.-землинск. *с'і' трі* „всѣ три"), будучи вытѣснено заимствованіемъ *шыток*, *шытка*, *шытко*, которое распространено и въ говорахъ восточныхъ (лучанск. *без хшы'ткого*, съ *ы* въ положеніи послѣ *ш*; ср. въ „Specimina": вшыкок лѣс, 154).

[2]) Въ западныхъ говорахъ (зап. Землина, Шариша, Спиша) говорятъ, напротивъ, *хто*, *дахто*, то-есть, вмѣсто перестановки и упрощенія, съ общерусскимъ измѣненіемъ сочетанія двухъ затворныхъ *-кт-*. Написаніемъ *кто* Лучкай имѣетъ въ виду „образованное" произношеніе, подобно, какъ и *что* при *што* (ib.) представляетъ „грамматическую" форму наряду съ народной, имѣющей распространеніе почти по всей южно-карпатской русской языковой области. Мѣстами (въ южномъ Мороморышѣ) встрѣчается, вмѣсто *што* и наряду съ нимъ, *шчо*, причемъ этимъ измѣненіемъ *(шт>шч)* оказывается затронуто сочетаніе *шт* во всѣхъ случаяхъ (*Шче'фан* вм. *Што'фан* „Стефанъ", *кошчу'іе* вм. *коштуіе* „стóитъ") и соотвѣтственно *жд>ж'д'ж'* (*ка'ж'д'ж'ыі*, *ж'д'ж'а'ті* „ждать").

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ꙗка, ꙗкое; дажкій; котрый; что, што (живой рѣчи принадлежитъ, разумѣется, лишь послѣднее); ничь; чій; ничій, ничіѧ, -чіе; дашто. Написаніями кто, что Попъ-Лучкай имѣлъ въ виду образованное произношеніе, наряду съ народной формой што, дашто, имѣющей распространеніе почти по всей южно-карпатской русской языковой области. Склоненіе мѣстоименія личнаго приведено въ грамматикѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Ruthen. — Singul.

ꙗ	ты	—
мене	тебе	себе
минѣ, ми	тебѣ, ти	себѣ
мѧ	тѧ	себе
мнов	тобов	собов
мнѣ	тебѣ	себѣ (70).

Обращаетъ на себя вниманіе неодинаковость д. минѣ и м. мнѣ, что́ для лучанскаго едва-ли правильно, ибо *мн'і* можетъ быть здѣсь въ значеніи и дательнаго; ср. лучанск. *до́-мн'і* „ко мнѣ". В. ед. мѧ звучитъ здѣсь, разумѣется, *мн'а* (зап.-земл. *н'а*). Далѣе идетъ склоненіе: он, оного, ономꙋ и т. д. (70 сл.) и тот (71). Послѣднее представляется въ такомъ видѣ:

Singul.			Pluralis		
тот	тота	тото, то	тоты	тотѣ	тотѣ
того	той	того	тых		
томꙋ	той	томꙋ	тым		
того	тотꙋ, тꙋ	того, то	тоты	тоты	тоты
тым	тов	тым	тыми		
том	той	том	тых.		

По сравненію съ лучанскимъ говоромъ находимъ тутъ слѣдующія отступленія: в. ед. ж. тотꙋ въ родномъ говорѣ автора грамматики звучитъ *тату́* и подобно же въ им.-в. мн., вмѣсто тоты м., тотѣ ж. ср., — *тыты́* для всѣхъ родовъ и для вин. и им. одинаково. Мы видимъ, что лучанскій говоръ сохранилъ въ данномъ случаѣ удвоеніе формы въ неизмѣненномъ видѣ. Важное различіе заключается и въ д.-м. ед. женск. рода той, что́, какъ и въ прилагательныхъ, звучитъ *тӱх*. Послѣднее замѣчаніе, а также нераздѣленіе родовъ въ мн. ч. касается и прочихъ, слѣдующихъ за симъ, склоненій: сесь (72), мой (72 сл.), наш (73), его (73 сл.) и чій (75). Отъ всѣхъ ихъ, въ ж. родѣ, д.-м. гласитъ одинаково въ говорѣ Вел. Лучекъ: сей—*с'ӱх*, моей—*мо̂ІӱХ*, ей—*ІӱХ*. Причину отсутствія указанія на эти формы нужно искать, какъ уже сказано, въ невозможности для автора свести ихъ къ образцамъ традиціонной грамматики. Написанія творит. женск. нев, сев (72), сего, семꙋ, моего, моемꙋ, его, емꙋ (73) являются правописной передачей *нёв, сёв (н'оХ, с'оХ)* и т. д., какъ поясняетъ и самъ авторъ: „родительный на ого, перенесенный въ русскомъ и на прилагательныя обоихъ

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

окончаній: свѧтого, малого, даже въ тѣхъ мѣстоименіяхъ, которыя требуютъ єго, какъ моєго, чїєго и т. д., звучитъ моїого, и это происходитъ отъ того, что въ правописаніи часто предписано произносить о, хотя писать о не слѣдуетъ; въ женскомъ родѣ звучаніе уже правильное: моєй" (75). Подобно же написаніе нѣм (74) въ тв. ед. отъ єго, не являясь церк.-славянскимъ, должно, повидимому, передавать лучанск. *н'ўм*. Различіе въ мн. ч. по родамъ: тоты, тотѣ, сєси, сєсѣ (72), они, оны (70) основанія въ живомъ произношеніи, разумѣется, не имѣетъ, какъ уже было замѣчено относительно мн. ч. прилагательныхъ, и какъ признаетъ и самъ Попъ-Лучкай: „ex ore comuni genus distingui nequit" (76). Происхожденіе падежей мн. ч. тыхъ, тым, тыми, вм. *тѣхъ, тѣмъ, тѣми,* (71) авторъ правильно объясняетъ перенесеніемъ изъ склоненія прилагательныхъ: „мѣстоименія, не принимающія видъ прилагательныхъ на ый, не должны склоняться, какъ прилагательныя; это имѣло бы соблюдаться и въ русскомъ" (76). (Ср. у Добровскаго, „Instit." 496: „Gen. et Loc. plur. ѣхъ, Dat. ѣм, Loc. ѣми... melius utique quam иныхъ, иным, иными, a librariis et editoribus russis invecta".)

Въ раздѣленіи глаголовъ („De verbis. Ѡ словѣхъ или глаголахъ") на 6 спряженій Михаилъ Попъ-Лучкай только воспроизводитъ Добровскаго, переименовывая его шесть образцовъ, по два въ трехъ склоненіяхъ, въ самостоятельныя склоненія (Добр., „Instit." 518, Лучкай 81). При этомъ цѣлый рядъ глаголовъ, за невозможностью объяснить ихъ звуковую форму, попадаютъ, какъ и у Добровскаго, въ разрядъ „anomala"; такъ, напримѣръ, для глаголовъ, имѣющихъ основу съ носовымъ гласнымъ: *ину, пяти, тну, тяти, жну, жати* (79) приходится прибѣгать къ предположенію о существованіи „obsoleta forma жаю" (81). Изложенію указанныхъ шести спряженій предпосылается глаголъ єсмь, по-русски („Ruthenice"): єм, єсь, є, єсмє, єстє, сѹть (81). Повелительное у нашего автора звучитъ: бѹди vel бѹдь, мн. бѹдѣм vel бѹдьмє, 2 мн. бѹдѣтє vel бѹдьтє (82). Первыя изъ этихъ формъ приспособлены по образцу ц.-слав., изъ опасенія, что вторыя *(будь, будьме, будьте)* являются не подлинно русскими, а возникшими подъ воздѣйствіемъ „богемскаго": „въ 1-мъ и 2-мъ лицѣ мн. многіе считаютъ ѣ полонизмомъ, и потому, взявшись за искорененіе его, наполнили книги буквою и вмѣсто ѣ: глаголим, глаголитє, творитє. Въ русскомъ („in Ruthenica") ѣ сохранился неповрежденно даже и въ тѣхъ краяхъ, которые съ поляками не имѣли никакихъ сношеній. Болѣе достойно осужденія то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ, по обычаю богемцевъ (more Bohemorum dicunt): бѹдьтє, кладьтє" (115 сл.).[1]) Настоящимъ русскимъ Михаилъ Попъ-Лучкай

---

[1]) Ср. у Добровскаго: „flexionem Imperativi in prima persona ѣм, in secunda plur. ѣтє vere slavicam esse, multis exemplis doceri potest... Sic идѣм, идѣтє, падѣм, вонмѣм, станѣм, блюдѣтє, помозѣтє, ждѣтє, рцѣтє, (549)... „сѧдѣтє in сѧдьтє antiquus codex contrahit, Bohemorum more, qui ѣ excludere solent: ведьтє pro ведѣтє, бѹдьтє pro бѹдѣтє" (560).

Богемизмами (словакизмами) являются только такіе случаи, какъ *кладьте,*

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

признаетъ поэтому только повелительное *буди, будѣте*, между тѣмъ, какъ нынѣ извѣстно, что разница между *бу'дьте, вста'ньте, стой'те* и *держи'те, хвали'те, клади'те (кладѣ'те)* находится въ непосредственной связи съ удареніемъ, какъ его необходимое послѣдствіе, имѣющее одинаковое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ; первоначальная же двойственность формъ мн. ч. *хвали'те* и *несѣ'те*, устраненная во всемъ русскомъ языкѣ вслѣдствіе стремленія къ выравниванію путемъ аналогіи, дала въ однихъ говорахъ (южныхъ и западныхъ) возобладаніе во всѣхъ случаяхъ замѣстителя *ѣ (несѣ'те, хвалѣ'те*, ю.-к. рус. *нêс'ї'т, хвал'ї'т* или *нêс'ї'т', хвал'ї'т')*, въ другихъ (сѣверныхъ и восточныхъ) возобладаніе *і* (вост.-русское *неси'те, хвали'те)*. Сослагательное наклоненіе абыхъ vel абым был, абы есь был, абы есме были (83) въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая звучитъ: обым, обесь, обы, обесме, обысте (85), какъ онъ и самъ въ иномъ мѣстѣ указываетъ: „если глаголъ есь, есме, есте имѣетъ впереди себя гласный, то въ бесѣдѣ простыхъ (in comuni ore) одинъ изъ обоихъ гласныхъ поглощается; били бысме или били бесме“ (87, прим.). Въ большинствѣ говоровъ эти формы звучатъ: *о'бем, о'б'ес'*, мн. *о'б'ес'ме*. Лучкай обосновываетъ предпочтеніе *о* вмѣсто *а* въ обы указаніемъ на выраженіе богослужебнаго языка: о еже сподобитися нам, ut digni simus (85), что въ дѣйствительности представляетъ, какъ извѣстно, обычную въ церк.-славянскомъ передачу греческаго *ὑπὲρ τοῦ* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Въ значеніи условнаго прошедшаго Попъ-Лучкай указываетъ для своего говора был бы был ем; такъ оно слышится въ цѣломъ рядѣ говоровъ (въ зап. Землинѣ, вмѣсто того, двойная постановка рядомъ прошедшаго *быу быу їем*, 3 ед. *быу быу*, ж. *была была*; отъ иныхъ глаголовъ: *быу дау, была дала)*. Причастія: бꙋдꙋщїй (83), отъ иныхъ глаголовъ: бїющїй (87), орющїй (90), несꙋщїй (95) и т. д., хотя представляютъ въ звуковомъ отношеніи заимствованіе изъ церк.-слав., но въ народномъ языкѣ они пользуются правомъ гражданства, а потому Попъ-Лучкай былъ правъ, приводя эти формы, какъ русскія. Извѣстно, что въ русскомъ языкѣ вообще сохранены первоначально лишь дѣепричастія (въ адвербіальномъ употребленіи), которыя нашъ авторъ тоже указываетъ: бꙋдꙋчи (84), бїючи (87), орючи (90), несꙋчи (95) и т. д., такія же формы, какъ *несучій, ходячій*, получили значеніе обыкновенныхъ прилагательныхъ, къ составу глаголовъ не принадлежащихъ (ю.-к. рус. *несу'ча ку'рїц'а*). Причастіе прош. вр. I быв, бывша, бывше, бив, бивша, бивше (87), орав, оравша, оравше (90) и т. д. въ южно-карпатской русской народной рѣчи извѣстно лишь въ косвенныхъ падежахъ: *поорау'ше, поробіу'ше*, встрѣчаясь чаще всего въ значеніи нарѣчія (з.-земл. *пак погодіуше прїдеме* „потомъ, нѣсколько спустя придемъ“). Замѣчательно, что

не'сьте, вмѣсто *клади'те, неси'те*, противорѣчащіе указанному правилу и встрѣчаемые въ западныхъ говорахъ южно-карпатской русской языковой области (з.-земл. *кла'/те, смо'/те* „смотрите“, *по'/те* „подите“, съ границей выдыханія впереди затворнаго съ удлиненной паузой, какъ во всѣхъ случаяхъ „удвоенія“ согласныхъ въ этихъ говорахъ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Лучкай считалъ причастіе прош. вр. II (бив, била, било), употребляемое для образованія прошедшаго сложнаго, въ м. р. (бив) за форму причастія прош. вр. I, именуемаго у него „gerundium praeteritum“: для образованія прошедшаго сложнаго служитъ „въ славянскомъ языкѣ participium praeteritum, въ русскомъ — gerundium praeteritum, но уже въ женскомъ родѣ и мн. числѣ употребляется participium: бив, била, било“ (113). Однако, въ образцахъ спряженій находимъ бив, бивша, бивше и отдѣльно бил, била, било (87), орав, оравша, оравше и орал, орала, ораво (90), держав, державша и держал, -а, -о (93). Въ случаяхъ отпаденія *-л* послѣ согласнаго указано рядомъ: нес, несша, несше и несл, несла, несло, первое подъ названіемъ gerundium praet., второе — participium praet. (96); даже сѹнѹв, сѹнѹвша, сѹнѹвше и сѹнѹл, -а, -о (98), горѣв и горѣл, -а -о (100), разѹмѣв и разѹмѣл, -а, -о (102), творив и творил, -а, -о (104). Дѣйствительно, въ грамматикѣ Попа-Лучкая нигдѣ не находимъ упоминанія объ обычномъ во всѣхъ говорахъ южно-карпатской русской языковой области, за исключеніемъ нѣкоторыхъ зап.-землинскихъ и шаришскихъ, измѣненіи *л* > *ў* внутри словъ впереди согласныхъ и въ концѣ словъ, а потому понятно, почему м. р. *бив (біў)* < *билъ* въ народномъ произношеніи онъ считалъ тожественнымъ съ прич. прош. вр. I *бивъ*. Разумѣется, написаніе несл (95), вмѣсто *нёс* (или *н'ўс*, какъ слышится въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая), нужно отнести насчетъ церк.-славянскаго. Этотъ глаголъ *(нести)* представляетъ у нашего автора, наряду съ глаголами: *веду, вести, боду, бости, паду, пасти, гуду, густи, пряду, прясти, краду, красти, плету, плести, цвѣту, цвѣсти* (96), 3-е спряженіе. Нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ, съ основой на *д, т*, составляютъ въ родномъ говорѣ Лучкая, какъ и въ большинствѣ другихъ говоровъ Южно-Карпатской Руси, особый разрядъ, выдѣляемый особенностью образованія причастія прош. вр. II м. р.: *веду—в'ўг*, „велъ“, *плету—пл'ўг*, „плелъ“, *мету—м'ўг*, „мелъ“, *боду—бўг*, „болъ“ (или *в'ўх, пл'ўх, зам'ўх, збўх*, съ гортаннымъ звонкимъ фрикативнымъ *h* или съ задненебнымъ глухимъ *х*, представляющимъ остатокъ давнишняго произношенія *γ*). Всѣ остальные изъ перечисленныхъ глаголовъ съ основой на *д, т*, но съ инымъ вокализмомъ, чѣмъ *е, о*, имѣютъ обычное въ русскомъ языкѣ причастіе прош. вр. II: *паду′—пау̯, краду′—крау̯, гуду′—гу̯* и т. д., такъ что сохраненіе упомянутой особенности формы связано съ измѣненіемъ гласнаго въ закрытомъ слогѣ. Грамматика Михаила Попа-Лучкая совершенно не упоминаетъ объ этой яркой чертѣ, свойственной его родному говору, повидимому, по той же самой причинѣ, какая была предположена выше, относительно иныхъ умолчаній, именно, за невозможностью для него согласовать съ правилами традиціонной грамматики эту необычную простонародную форму[1]). Попъ-Лучкай отрицаетъ существованіе въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи глагольной формы для выра-

[1]) Въ настоящее время объясненіе не представляетъ затрудненій, при сопоставленіи съ подобными же явленіями псковскаго говора *(привегли* и т. п.); *в'ўг*, „вёлъ“ < *вēгл(ъ)* (съ паразитарнымъ вслѣдствіе лабіализаціи *о*: *вē°гл*,

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

женія давно-прошедшаго: „давно-прошедшаго въ славянскомъ не существуетъ, въ русскомъ (in Ruthenica) оно восполняется прибавленіемъ къ прошедшему времени бывало, напримѣръ, бив ем бывало, бив есь бывало, бив бывало“ (85 сл., прим., 114). Подобный способъ выраженія давно-прошедшаго наблюдается, какъ извѣстно, и въ обще-русскомъ литературномъ языкѣ *(онъ приходилъ бывало)*. Упомянутое замѣчаніе Попа-Лучкая справедливо относительно большинства южно-карпатскихъ русскихъ говоровъ[1]). Въ значеніи страдательнаго залога авторъ приводитъ для наст. вр. бит ем, бит есь, бит е и т. д., для прош. вр. бит был ем и т. д. (88). Однако, въ дѣйствительности бит ем, какъ настоящее время страд. залога, въ живой народной рѣчи не встрѣчается. Повидимому, Попомъ-Лучкаемъ руководило желаніе дать нѣчто соотвѣтствующее церк.-слав. *біемъ есмь,* однако, дѣйствительнаго соотвѣтствія не получилось, ибо прич. прош. вр. *битый* заключаетъ въ себѣ понятіе происходившаго въ прошломъ и уже законченнаго въ настоящемъ дѣйствія. Съ точки зрѣнія говорящаго, *я битъ* (теперь или вчера) есть дѣйствіе уже законченное, теперь больше не происходящее и, стало быть, лежащее въ прошломъ; прибавленіе къ сему прош. вр. *былъ* является лишь какъ-бы дополненіемъ для большей ясности, безъ того, чтобы основной смыслъ относительно времени дѣйствія измѣнялся: *я былъ битъ* (теперь или вчера). Для южно-карпатскаго русскаго нарѣчія единственный дѣйствительно употребляемый способъ выраженія страдательнаго залога есть глагольная форма съ прибавленіемъ *ся: зе́рно моло́тится* (наст. вр.), *зе́рно молоти́лося* (прош. вр.), *зе́рно моло́чено* (законченность дѣйствія, лежащаго въ прошломъ), какъ о томъ упоминаетъ и Попъ-Лучкай: „восполняется страдательный залогъ также посредствомъ прибавленія къ глаголу ся, причемъ глаголъ спрягается, какъ въ дѣйствительномъ залогѣ: бїюся“ (ib.). Въ отношеніи прич. прош. вр. страд. залога *битый* авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „глаголы, имѣющіе въ основѣ а впереди ю и ти, какъ знаю, знати, принимаютъ въ причастіи страд. зал. прош. вр. не ен, но одно лишь н: знан, краю—кран, граю—гран“ (80). Подобныя стяженія, какъ *кран (< краянъ),* очень обычны въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи; въ зап. говорахъ слышится *краті (< краіаті), ка́тіс'а* „каяться“, *зац* „заяцъ“, въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая такія стяженія встрѣчаются рѣже (ср. въ 3 ед. глаголовъ: *поги́бать* „погибаетъ“, *кла́нятся* „кланяется“ и т. д.). Среди глаголовъ типа сѹнѹ, сѹнѹти, относимыхъ Лучкаемъ къ 4 спряженію (97 сл.), находимъ кинѹ (98), что въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи значитъ „трону, коснусь“, не будучи тожественно съ обычнымъ въ русскомъ языкѣ глаголомъ *кинуть* „бросить“;

ве̄огл) < ведлъ; бӯг < бо̄гл(ъ), бодлъ. Ср. мою работу: Zur Behandlung der Lautverbindungen -dl-, -tl- im Südkarpatorussischen (Ugrorussischen), Zeitschrift sl. Ph., VI.

[1]) Въ западныхъ говорахъ такія соединенія глагольныхъ причастій, какъ *ꙗ быу̯ ході̯у́, ты бы́ла пр'а́ла, она́ бы́ла смо̂тр'і́ла,* имѣютъ значеніе, какъ уже было упомянуто, условнаго прошедшаго.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

послѣдній здѣсь встрѣчается лишь въ видѣ *кыдати* (зап.) „о густой жидкости, грязи, навозѣ, роняемыхъ на землю“. Въ видѣ особаго класса „irregularia“ представлены „нетематическіе“ глаголы ѣм, ѣсти, повѣм, повѣсти, дам, дати (106 сл.). 2-е ед. наст. вр. этихъ глаголовъ: ѣш (106), повѣш (107), даш (109) звучитъ такъ въ большинствѣ говоровъ; въ южномъ Мороморышѣ вмѣсто того — *îс'*, *пôв'î'с'*, *дас'*, ср. церк.-слав. *паси, повѣси, даси*. Повелит. наклоненіе ѣж, ѣжьме, ѣжьте (106), повѣжь, повѣжьме, повѣжьте (108), дай, дайме, дайте — соотвѣтствуетъ тому, что слышится въ говорахъ: бережск. и ю.-моромор. *îж, î'жме, î'ште, пôв'î'ж* и т. д., зап.-земл. *îд'ж'*, *îд'ж'ме, пôв'îд'ж'*, *пôв'îд'ж'ме*. Относительно *имамь* Лучкай замѣчаетъ: „въ русскомъ вмѣсто того маю, спрягаемое правильно“ (108); въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая этотъ глаголъ звучитъ *ма'ую, ма'[і]еш*, въ западныхъ говорахъ — вымирающее *мау[у]*, слышимое теперь лишь у старшаго поколѣнія и вытѣсняемое словацкимъ *мам*[1]).

Въ примѣчаніяхъ („Observationes“, 111 слл.) къ спряженію Попъ-Лучкай прежде всего указываетъ на личныя окончанія настоящаго времени. „Первое лицо наст. вр. какъ въ славянскомъ, такъ и въ русскомъ (Ruthenica) оканчивается на ю, ѹ: бію, несѹ; Russica подобно же соблюдаетъ это, но не иныя нарѣчія“. „2-е лицо въ славянскомъ на еши, иши, Ruthenice съ опущеніемъ и, Russice вмѣсто и пишется ь. 3-е лицо отъ славянскаго отличается тѣмъ, что т послѣ е выпадаетъ, но не послѣ иныхъ гласныхъ: бѹде, біе, творить; далѣе, что т какъ въ ед., такъ и въ мн. ч. смягчается, и притомъ не безъ причины, ибо, по свидѣтельству Добровскаго (Грамм., стр. 558), въ 11, 12, 13 вв. 3-е лицо какъ ед., такъ и мн. числа имѣло ть, будучи позднѣе замѣнено, въ правильныхъ глаголахъ, твердымъ т, при сохраненіи только за неправильными глаголами древняго обычая, между тѣмъ, какъ у русскихъ людей во всѣхъ случаяхъ ть продолжаетъ жить до сихъ поръ (apud Ruthenos in omnibus ть actu viget)“ (111). Къ сему нужно замѣтить, что *-ть* (или *-т*) сохраняется и послѣ *е* при наличіи стяженія: вост. *пу'шчат'* — „пускаетъ“, *лу'скат'* — „щелкаетъ“ (ю.-моромор. *на кŷнцї' батŷ'г лу'скат*), зап. *знат'* „знаетъ“, *мат'* „имѣетъ“ (или *знат, мат,* смотря по говору)[2]).

Замѣчательно, что Михаилъ Попъ-Лучкай, тщательно избѣгавшій могущихъ встрѣтиться „богемизмовъ“, признавалъ свойственное всему южно-карпатскому русскому нарѣчію окончаніе 1 мн. *-ме* кореннымъ русскимъ. „Не отсутствуютъ въ древнихъ рукописяхъ примѣры 1 л. множ. числа съ окончаніемъ ме. Въ Острожск. Б., 1 Кор., 15, 19, читаемъ есме. Очевидно, въ другихъ, правильныхъ глаголахъ послѣ подавленія е осталось м. У рус-

[1]) Остальныя лица — *маш, мат, маме, мате, ма[у]ут.*

[2]) Въ говорахъ восточной половины стяженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе *-ть (-т)*, наблюдается лишь при отсутствіи ударенія, подъ удареніемъ же какъ стяженіе, такъ и *-т' (-т)* отсутствуютъ: *ма'(і)е, зна'(і)е.* Что касается сохраненія смягченія въ окончаніи *-ть,* то оно распространено повсемѣстно, за исключеніемъ южнаго Мороморыша, нѣкоторыхъ говоровъ западнаго Землина, Шариша и Спиша.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

скихъ людей и въ повелит. є отсутствуетъ: идѣм, несѣм" (119). Ссылка на Острожскую Библію взята изъ Добровскаго; Попъ-Лучкай, повидимому, не представлялъ себѣ, въ какой мѣрѣ ея свидѣтельство можетъ признаваться древнимъ. Въ настоящее время обнародованы письменные памятники Южно-Карпатской Руси XVII и даже XVIII вѣка, въ которыхъ вмѣсто ожидаемаго *-ме*, встрѣчается *-мо;* было бы, однако, преждевременно, на основаніи такихъ показаній памятниковъ, писанныхъ въ подражаніе языку западно-русской письменности, дѣлать заключенія относительно преобладанія въ народной рѣчи окончанія *-мо* въ XVIII в. Относительно остальныхъ глагольныхъ формъ Попъ-Лучкай говоритъ слѣдующее: „прошедшее простое какъ въ остальныхъ нарѣчіяхъ, такъ и въ русскомъ (Ruthenica) исчезло, за исключеніемъ быхъ, удержаннаго для образованія сослагательнаго" (112). Для образованія прошедшаго сложнаго служитъ, какъ уже упоминалось выше, „въ славянскомъ participium praeteritum, въ русскомъ gerundium praeteritum, но уже въ ж. родѣ и въ мн. ч. примѣняется participium: бив, била, били. Въ третьемъ л. ни єсть, ни сȣть въ русскомъ не употребляется" (113); ср. выше, 34. „Третье л. ед. не отличается (въ повелительномъ накл.) отъ 2 л., ни 3 л. мн. отъ 2 л. мн. Это именно можно наблюдать въ русскомъ (in Ruthenica) во многихъ случаяхъ: дай ти боже разȣма есть ничто иное, какъ det tibi Deus rationem" (115, ср. 167). Ср. у Добровскаго: „deinde notandum, personam tertiam Imperativi singularem et pluralem a secunda non differre" („Instit.", 550). Выраженіе по-русски оптатива происходитъ посредствомъ най въ соотвѣтствіи славянскому да: „най бȣдȣ, най бȣдеш, най бȣдет; но правильнѣе было бы посредствомъ абым бил и т. д., ибо частица а можетъ тутъ считаться за остатокъ частицы да, правильнѣе же всего при помощи обым, обысь и т. д." (116).

Нарѣчія („Adverbium, Нарѣчіє", 118 слл.) представлены у Попа-Лучкая слабо; перечисляются собственно только церк.-слав. нарѣчія, причемъ лишь однажды, именно, — относительно єдиницею, вторицею отмѣчено, что подобныя образованія въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи не встрѣчаются (119). Однако, и изъ остальныхъ перечисленныхъ нарѣчій употребляются не всѣ и не въ такомъ видѣ. Вмѣсто дѣлѧ (118), въ лучанск. слышится *д'ї'ла*, горѣ (119) звучитъ такъ во всѣхъ говорахъ *(гôр'ї')*; долѣ (119) образовано самимъ Попомъ-Лучкаемъ по образцу *горѣ;* народные говоры, вмѣсто того, имѣютъ *дôл'ÿ*[ỵ], *дôлÿ* (ю.-мором., ужск.). Церк.-слав. междȣ (ib.) соотвѣтствуетъ *ме'жи* (зап.-земл. *м'ѐд'ж'î)*, тȣ въ лучанск. звучитъ *туш*, въ вост. говорахъ — *туй*, въ ужск. и зап. *ту*. Изъ опредѣленій времени ночью (ib.) звучитъ *нÿ'чоỵ* (лучанск.), *нÿ'чîỵ* (ю.-моромор.), *н'ї'ч'ôỵ* (зап.-землинск.), днем (ib.) — *ỵ-дѐн*, (зап.-земл. *h-ỵо-дне)*[1]), вм. взимѣ *(ỵ-зім'ї')* также *зімоỵ'*, *л'ї'том*. „Въ значеніи нарѣчія употребляется ср. родъ прилагательныхъ съ окончаніемъ *-о*": скоро, долго (119). Съ окончаніемъ

[1]) *h, γ, x, ф* есть обычный видъ *въ* въ зап.-землинск., измѣняемый въ зависимости отъ согласнаго послѣдующаго за нимъ слова.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

-ѣ (120) особыхъ примѣровъ для „Ruthenica“ Лучкай не приводитъ, хотя такія образованія въ ю.-к. русскихъ говорахъ, въ особенности въ западныхъ, весьма распространены; лучанск. (также ужск., землинск.) *дôбр'ї*, зап.-землинск. *дôбр'î, прав'î* „право, дѣйствительно“, *шуχн'î* „красиво“. Въ иномъ мѣстѣ упомянуто годѣ есть (110) „невозможно, трудно“ *(гốд'î)*. Къ нарѣчіямъ съ окончаніемъ *-е* Лучкай относитъ для южно-карпатскаго русскаго нарѣчія „еще, Ruth. ищи“ (119), звучащее въ лучанск. *їш'ч'ї* (ю.-моромор. *їшче*, зап.-землинск. *їш'ї*), а также нарѣчія, представляющія ср. родъ сравнительной степени: „in Ruthenica etiam hi comparativi existunt“, причемъ „е переходитъ въ й, далѣй, напр. прочто не повѣла есь скорѣй“ (120). Въ дѣйствительности слышится *скốр'î* „скорѣй“, что́ слѣдуетъ отличать отъ *скốрї* „вскорѣ“ (зап.-землинск. *она скôр'î прїде*); образованія эти извѣстны во всѣхъ южно-карпатскихъ русскихъ говорахъ.[1]) Что касается нарѣчій на *-ы*, типа римски, божски, то сюда, изъ приводимыхъ Попомъ-Лучкаемъ (120) для южно-карпатскаго русскаго нарѣчія, относится лишь рацки, more cancri, „по-рачьему“ (< *рачьскы*), между тѣмъ, какъ другой его примѣръ цапки, more hirci incedere, „по козлиному“, сюда не принадлежитъ, не будучи образованъ отъ прилагательнаго. Обычно подобныя образованія встрѣчаются, какъ и во всемъ русскомъ языкѣ, въ соединеніи съ предлогомъ *по*: бережск., ужск. *пô-ру́с'кі* (въ иныхъ говорахъ *пô-ру́с'кы*), з.-земл. *по-бос'кы* „по-божески“.

Какъ примѣръ нарѣчія на ма (типа кольма, весьма) приводится для ю.-к. русскаго нарѣчія *бохма:* „бохма (бохме) est plebea formula jurandi; бохма vel бохме Боже, quasi penitus me Deus perdet, si non dico verum“ (120). Въ дѣйствительности приводимое слово не можетъ относиться къ указанному разряду нарѣчій, не представляя какой-либо падежной формы отъ *Богъ,* но являясь простымъ сокращеніемъ, въ скороговоркѣ, предложенія, въ родѣ слѣдующаго: *Богъ ме(не бы побилъ);* ср. малорус. *бїгме́*. Изъ нарѣчій мѣста и времени Попъ-Лучкай для своего родного говора указываетъ: „де est particula originalis, in Ruthenica actu in usu est et denotat ubi, quo; inde est enatum где, гдѣ, здѣ“ (121). Изъ этого видно, что Попъ-Лукай считалъ ю.-к. рус. *де* „гдѣ“ за первоначальную частицу, вошедшую въ составъ сложныхъ нарѣчій мѣста: *где* изъ др.-ц.-слав. къде и т. д. Далѣе: инде Ruth. „въ иномъ мѣстѣ“, Ruth. кѹды, тѹды, сѹды (121); послѣднее звучитъ *сюды́* или *сюда́*, будучи, какъ и *куды́, туды́* (лучанск. также *куда́, туда*), извѣстно въ восточной половинѣ говоровъ[2]); Ruth. инкѹды; всѫгды „вездѣ“ (*χс'а́гды*) звучитъ также *χс'а́ды* (въ томъ же значеніи); *тогда* слышится въ видѣ *тогды́* и *тоχды́* какъ въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая, такъ и въ южномъ Мороморышѣ. Не указано

---

[1]) Не упомянуто, но встрѣчается въ приложеніи образцовъ рѣчи („Specimina“) *ц'ї́ле* (цѣле, 158) „дѣйствительно“, распространенное въ вост. говорахъ.

[2]) Въ западныхъ говорахъ, вмѣсто того, *геχ* „здѣсь, сюда“, *там* или *гын* — „тамъ, туда“; *куды, накуды* въ зап.-землинск. имѣетъ значеніе союза въ смыслѣ „когда, пока“.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

у Лучкая обычное въ восточной половинѣ говоровъ образованіе *н'ї'колї* „некогда". Изъ нарѣчій, сложенныхъ съ предлогами, Попъ-Лучкай приводитъ завтра, Ruth. завтра (122); къ тому же предлогу за онъ склоненъ относить и здалекꙋ, значала, считая з сокращеніемъ *за*, но потомъ самъ оговаривается: „sed haec in Ruth. potius reducenda издалече, изначала (ib.); ср. также: „за, post, retro... in Ruth. не иди за мнов, не идꙋ з' ним, non i post me, non ibo post eum" (152). Сюда же авторъ помѣщаетъ и прилагательныя, сложенныя съ *веле:* велебный, велегласный, велелѣпно (ib.); первое изъ нихъ есть титулъ, присвоенный латинскому духовенству, по переводу на словацкій языкъ съ латинскаго reverendus и заимствованный для употребленія и уніатскимъ духовенствомъ Южно-Карпатской Руси, въ усиленномъ видѣ *превелебный.*

Изъ предлоговъ (122 слл.) отмѣчены въ грамматикѣ Попа-Лучкая для южно-карпатскаго русскаго нарѣчія слѣдующіе: в, во (в домѣ, во дворѣ) звучитъ въ восточныхъ говорахъ *ꙋ*, въ западныхъ *ф, х* или *γ, h* (въ зависимости отъ сосѣдства согласныхъ, при возможности различныхъ уподобленій)[1]); вы въ большинствѣ говоровъ восточной половины звучитъ *у*, также въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая (примѣры въ „Specimina" лишь въ видѣ недосмотровъ, ибо авторъ сознательно избѣгалъ такихъ написаній, какъ оукопле 163, вм. выкопле 158); ид Ruth. ad, „къ" (серна пришла ид селꙋ) распространено въ восточныхъ говорахъ, собственно [*і*]*ш*, [*і*]*д* съ редуцированнымъ протетическимъ гласнымъ (изъ протезы впереди группы согласныхъ) и съ *ш* < *к*, какъ результатѣ диссимиляціи въ условіяхъ связной рѣчи (*ш-хі'ж'і* „къ хижинѣ")[2]); зап. *к, g, h* (*к-шôму, g-нам, h-нам*); през, trans, per (123) есть заимствованіе изъ словацкаго, замѣнившее въ западныхъ и нѣкоторыхъ восточныхъ говорахъ коренное русское *че'рез*); про съ вин. (про землю, propter terram, 123) — очень распространенный въ ю.-к. рус. нарѣчіи предлогъ; наконецъ, скрозь упомянуто Попомъ-Лучкаемъ въ иномъ мѣстѣ (147), какъ соотвѣтствіе ц.-слав. *сквозѣ*, лучанск. *крꙋ'з'і*.

Союзы („Conjunctiones. Союзы-соключенїѧ") указаны, какъ Ruthenica, слѣдующіе: кедь, si, "если", по мнѣнію Лучкая, „contractum а когда" (124, ср. 146), извѣстенъ, кромѣ западныхъ говоровъ, въ ужск., бережск.; въ ю.-мороморышск. ему соотвѣтствуетъ *кой* „если, когда"; бо, ибо, enim, etiam, in. Ruth. бо; ги, Ruth. sicut, „какъ" (ib.), распространено по всей ю.-к. русской языковой области. Къ церк.-слав. союзу да „ut, particula conjunctivi modi," Попъ-Лучкай дѣлаетъ такое примѣчаніе: „откуда а или о, оже (inde а vel о, оже)" (125). Повидимому, *а* или *о, оже* слѣдуетъ разумѣть въ томъ же смыслѣ, въ какомъ авторъ высказывается

---

[1]) Зап.-землинск. *ф-церкві, х-церкві* или *с-церкві* „въ церкви", *γ-вôд'і* „въ водѣ", *h-нôс'і* „въ носу".

[2]) Подобное же чередованіе конечнаго -д *(-ш)* и *-к*, происходящее изъ условій связной рѣчи, обнаруживаетъ и не упомнаемый Лучкаемъ сложный предлогъ *позад, позак* — „изъ-за" (лучанск. *позад н'ого, позад н'ого, позак того*).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

относительно упомянутыхъ выше *абы* (и *обы*), считая *а* въ немъ какъ бы остаткомъ частицы да (116), или съ *о* въ богослужебномъ о еже сподобитися „ut digni simus", „ибо о въ славянскомъ есть выраженіе сослагательнаго наклоненія" (85). Какъ видно, Попъ-Лучкай признавалъ непосредственную родственную связь между союзами *да* и *а, о, оже.* Этотъ послѣдній союзъ въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи звучитъ *ож* „что", имѣя широкое распространеніе во всѣхъ говорахъ, начиная отъ вост. Землина и кончая Угочей; въ ю.-мороморышск. слышится, вмѣсто того, *аж.* Особаго упоминанія объ этомъ союзѣ не встрѣчается. Въ западныхъ говорахъ (зап. Землинъ, Шаришъ, Спишъ) тотъ же союзъ звучитъ *же,* относительно котораго Лучкай замѣчаетъ: „же, quod Polonicum est", не отличая его отъ же, autem (125). Союзъ альбо (125) тоже — польскій, однако, Лучкай приводитъ его безо всякихъ примѣчаній, въ качествѣ „славянскаго", вѣроятно, на основаніи церковныхъ книгъ, печатанныхъ въ Юго-Западной Россіи. Въ отдѣлѣ „О сочиненіи" (синтаксисѣ) находимъ и соотвѣтствующій примѣръ къ сему: „комꙋ дам грꙋшкꙋ? non ти vel си, sed тебѣ або себѣ содержꙋ" (144). Народный языкъ имѣетъ, вмѣсто того, зап. *а́бо,* вост. *ай́бо,* или замѣняетъ его мадьярскимъ *вадь, авадь* (мад. avagy). Ц.-слав. союзу ей, ita, „да" соотвѣтствуетъ, по Попу-Лучкаю, Ruth. гей, ita (ib.). Это сопоставленіе нужно признать правильнымъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, что гей употребительно лишь въ западныхъ говорахъ, представляя, вѣроятно, заимствованіе изъ словацкаго; въ зап.-землинск. *гей* вытѣсняетъ старшее *ie* въ томъ же значеніи[1]); въ лучанск., какъ и въ большинствѣ ю.-к. русскихъ говоровъ, встрѣчается исключительно айно, ita, „да" (125), рѣже *ай, ага'.* „Ruth. хоть quamvis, gerundium а хощꙋ" (ib.), обще-русск. литер. *хотя,* слышится также въ видѣ *хотяй;* той, тай (ib.), приводимые, какъ равнозначущіе, слѣдуетъ раздѣлить: *та, та-й* (любила ем вино тай бꙋдꙋ ib.) въ значеніи „и" въ южно-карпатск. русскомъ нарѣчіи пользуется широкимъ распространеніемъ; напротивъ, той, если въ такомъ видѣ гдѣлибо встрѣчается, слѣдуетъ отнести къ предыдущему въ изложеніи Попа-Лучкая союзу „то: illativa; аще корень свят, то и вѣтви" (125). Церк.-слав. ꙋбо соотвѣтствуетъ, по мнѣнію Лучкая, Ruth. предца, что́ онъ объясняетъ изъ предвся (ib.); этотъ союзъ, въ значеніи „все-же, однако", наиболѣе извѣстенъ въ западныхъ говорахъ (зап.-землинск. *пр'е́тц'і*), являясь заимствованіемъ изъ зап.-славянскихъ языковъ.

Изъ междометій („Interjectiones. Междꙋметїя", 126), приводимыхъ въ грамматикѣ, ю.-к. русскому нарѣчію принадлежатъ: гей, цыть tace, оуйю „Ruthenice выраженіе радости", ни, егенде, еге, ессе, „вотъ" (126); изъ нихъ первое, *ни,* есть заимствованіе изъ мадьярскаго (мад. *ni* „вотъ"), *еге',* какъ обычное русское выраженіе, принадлежитъ цѣлому ряду восточныхъ говоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ, вмѣсто того, *але́* „вотъ" (бе-

[1]) Въ настоящее время *ie* „да" слышится въ рѣчи уже только старшаго поколѣнія.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

режск., ужск.), западныя имѣютъ *мо'ле*[1]); *егенде* значитъ собственно не „вотъ", а „вотъ тамъ". Къ междуметіямъ Попъ-Лучкай причисляетъ также ачей „можетъ быть", цибы „пожалуй" (ib.), ци так, ergo ita, „не правда ли".

Двойственное число выдѣлено въ грамматикѣ изъ состава склоненій и спряженій, какъ мало употребительное, практическаго значенія не имѣющее; оно слѣдуетъ, какъ особая глава („De duali. Ѡ двоителном", 126 слл.), за междометіями. „Въ русскомъ (in Ruthenica) употребленіе двойств. ч. наиболѣе часто встрѣчается въ тв., другіе падежи не употребляются" (128). Это замѣчаніе имѣетъ прежде всего въ виду имена ср. р. *око, ухо,* д.-тв. *очима, ушима* („око, оухо habet очи, оуши", 128). Въ лучанскомъ такія падежныя формы, однако, не встрѣчаются; они звучатъ тамъ *во̂'чі, вўчмі', ӯу'ха, ӯуха'мі.* „Ср. р. съ окончаніемъ ѧ, а также ж. р. на ѧ образуютъ мн. ч. на ѣ. Предполагаю, что это окончаніе есть двойственное число, напр. казанѧ, казанѣ, подобно же времѣ, имѣ безъ вставки ен (именѣ), откуда также землѧ, землѣ должно бы быть двойственное число; церков правильно образуетъ мн. ч., слѣдуя окончанію двойственнаго: церкви" (128). Здѣсь у Попа-Лучкая какое-то недоразумѣніе. Въ первомъ примѣрѣ: казанѧ, казанѣ смѣшаны два разныхъ вида этого слова, какъ они слышатся въ отдѣльныхъ говорахъ: *казаня* ср. р. и *казань* ж. р.; въ лучанскомъ говорѣ употребляется *ка'зан',* и отъ него мн. звучитъ *ка'зан'і̂,* между тѣмъ, какъ *казаня* другихъ говоровъ имѣетъ мн. *казаня.* Необыкновенность мн. *казан'і̂,* передаваемаго написаніемъ казанѣ, по сравненію съ обычнымъ образованіемъ мн. ч. отъ подобныхъ словъ (основъ на *-і* ж. р.), напр. *части* (*ча'сті̂*), побудила Попа-Лучкая видѣть объясненіе этой формы въ двойственномъ числѣ, гдѣ окончаніе *-ѣ* принадлежитъ, какъ извѣстно, им.-вин. Что касается указываемыхъ другихъ двухъ формъ: *времѣ, имѣ,* то таковыя не только лучанскому, но и вообще южно-карпатскимъ русскимъ говорамъ не извѣстны. Въ данномъ случаѣ возможно лишь предположить ошибку, допущенную авторомъ грамматики. Въ дѣйствительности отъ указанныхъ словъ *имя* (*мн'а*), *время* слышится мн. *мн'а,* а отъ *время,* если оно, какъ слово книжнаго происхожденія, вообще употребляется, — *времена',* зато отъ слова *мн'а* лучанскій говоръ знаетъ тв. мн. *мн'ома',* не упоминаемый грамматикой. Далѣе Михаилъ Попъ-Лучкай повторяетъ свое предположеніе относительно мн. ч. прилагательныхъ: „русскіе люди (Rutheni) въ склоненіи прилагательныхъ всегда удерживаютъ, въ ж. и ср. родѣ, окончаніе двойственнаго числа ѣ, хотябы имя существительное не стояло въ двойственномъ числѣ" (130). Замѣчательно, что именно въ родномъ для Лучкая лучанскомъ говорѣ мн. число прилагательныхъ, какъ было указано, звучитъ всегда съ твердымъ согласнымъ впереди окончанія *-і: золоті', молоді',* что́ не даетъ повода къ написанію посредствомъ *-ѣ.* Наконецъ, грамматика указываетъ обычныя въ ю.-к. русскомъ нарѣчіи формы тв. числительныхъ: четырма, пѧтьма, шестьма, десѧтма,

[1]) *Мо'ле* „вотъ", при повелит. *смот'* „смотри", *смоте* „смотрите".

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

стома (130), какъ сохраняющія окончаніе стараго д.-тв. двойств. Однако, дат. пятѣм, двадцатѣм, тридцатѣм (ib.), объясняемый, какъ возникшій изъ того же д.-тв. двойств. числа „съ опущеніемъ а (omisso а)“, не передаетъ дѣйствительно слышимаго въ лучанскомъ говорѣ *п'ат'ўм* и т. д.[1]).

Глава объ удареніи („De tono seu accentu. Ѡ оудареніи гласа“), въ противоположность прочимъ отдѣламъ грамматики, содержитъ весьма мало свѣдѣній, касающихся особенностей въ этомъ отношеніи южно-карпатскаго русскаго нарѣчія. Бо́льшую часть главы занимаетъ сопоставленіе, вслѣдъ за Добровскимъ, тѣхъ разностей въ разстановкѣ удареній, какія встрѣчаются въ церковныхъ книгахъ русской и сербской печати. Все же и здѣсь встрѣчаемся съ нѣсколькими замѣчаніями Лучкая, касающимися его родного говора. Сюда относится прежде всего его признаніе о затрудненіяхъ, какія испытывали относительно ударенія самъ авторъ и его современники. „Труднѣйшій для начинающихъ параграфъ грамматики былъ и теперь есть отдѣлъ объ удареніи и интонаціи словъ. Сами русскіе по рожденію люди (ipsi nati Rutheni), достаточно знакомые съ языкомъ, испытываютъ не легкое въ этомъ отношеніи затрудненіе, не рѣшаясь сдѣлать вполнѣ увѣренный шагъ (aut saltem secure gressum figere nequeunt)“ (132 сл.). Эти слова Попа-Лучкая сказаны объ образованныхъ людяхъ тогдашняго времени на Южно-Карпатской Руси, т. е. объ уніатскомъ духовенствѣ Ужгорода, какъ епархіальнаго центра. Ужгородъ привлекалъ къ себѣ до 1816 года (т. е. до выдѣленія на западѣ южно-карпатской русской языковой области особой Пряшевской епархіи) уроженцевъ одинаково какъ области съ свободнымъ удареніемъ (Мороморыша, Угочи, Берега, Ужа, восточнаго Землина), такъ и западнаго Землина, Шариша и Спиша, съ установившейся „неподвижностью“ ударенія. Самъ Ужгородъ расположенъ непосредственно у границы собственно русскихъ говоровъ съ говорами смѣшанными („цотацкими“), и значительная часть области „цотацкихъ“ говоровъ до сихъ поръ принадлежитъ къ уніатской Мукачевской епархіи, т. е. къ Ужгороду (южный Землинъ, южная часть б. Ужской сто́лицы). Это обстоятельство не могло не отразиться на языкѣ ужгородскаго епархіальнаго центра и въ особенности на установленіи способовъ произношенія и ударенія при церковномъ чтеніи и пѣніи, которое стало происходить здѣсь, подъ воздѣйствіемъ выходцевъ изъ западной области и изъ полосы смѣшанныхъ говоровъ, безо всякаго вниманія къ обозначенію удареній въ церковныхъ книгахъ, по способу „неподвижности“. Въ первую очередь это коснулось, какъ уже было сказано выше, ужгородскаго уніатскаго богословскаго училища, существовавшаго здѣсь съ 1778 г. (послѣ перенесенія изъ Мукачева), и отсюда усвоенные навыки разносились по всему пространству Южно-Карпатской Руси. Послѣдствія такого воздѣйствія

[1]) Въ лучанскомъ говорѣ встрѣчаются прилагательныя съ тв. падежомъ на *-ма*; то же зап.-землинск. *до'брыма* (ср. то же явленіе въ сл.-врус.).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

ужгородской школы можно наблюдать до сихъ поръ: повсемѣстно церковное чтеніе и пѣніе въ уніатскихъ церквахъ происходитъ однообразно, безо всякаго вниманія къ системѣ ударенія, господствующей въ говорѣ данной мѣстности, по способу „неподвижности"; напримѣръ, по всей Южно-Карпатской Руси читаютъ: *во и'мя* (*ї'мн'а*) *О'тца и Сы'на,* хотя-бы въ природной рѣчи того мѣста произносилось *отца'* (*ӯтц'а'* или *ӯутц'а'*) и т. д.[1]) Именно на это обстоятельство утраты чутья къ естественному и непринужденному употребленію „подвижнаго" ударенія, свойственнаго большинству говоровъ народной рѣчи, указываетъ Михаилъ Попъ-Лучкай, замѣчая о неувѣренности въ этомъ отношеніи образованныхъ людей его времени, изъ числа высшаго духовенства въ Ужгородѣ, природныхъ угроруссовъ. Эта неувѣренность вынуждаетъ у автора признаніе: „я предпочитаю отказаться отъ обозначенія удареній, предоставляя читателю то произношеніе, какое соотвѣтствуетъ его духу, чѣмъ оскорблять зрѣніе неподходящими удареніями" (138). И дѣйствительно, даже въ тѣхъ немногихъ примѣрахъ, какіе приведены изъ южно-карпатскаго русскаго нарѣчія, встрѣчаемъ достаточно ошибокъ. Ср., напримѣръ, въ числѣ словъ, гдѣ разница въ значеніи соотвѣтствуетъ разницѣ въ удареніи: вина̀, gen. vini, въ отличіе отъ ви́на, culpa (136); послѣднее слово звучитъ въ родномъ говорѣ Попа-Лучкая, какъ и во всемъ русскомъ языкѣ, *вина'* „culpa". Та-же неувѣренность подтверждается замѣчаніями Попа-Лучкая относительно ударенія въ глагольныхъ формахъ родного говора. „Неопредѣленное наклоненіе съ окончаніемъ сти и щи у русскихъ имѣетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, у хорватовъ[2]) на предпослѣд.: спастѝ, блюстѝ, срещѝ, тещѝ. О томъ, что во 2 л. мн.: пишете́, творите́, терпите́ удареніе находится на конечномъ слогѣ, свидѣтельствуетъ какъ русскій языкъ въ Россіи, такъ и южно-карпатскій русскій языкъ (et Russica et Ruthenica lingua svadet). Но въ повелительномъ наклоненіи творѣте, а не творѣтѐ" (137). Что касается русской рѣчи въ Россіи, то подобное удареніе (*творитѐ*) дѣйствительно встрѣчается въ церковныхъ книгахъ русской редакціи, а также весьма обычно въ народной рѣчи, именно, въ сѣв.-врус. нарѣчіи, въ б.-рус. и во многихъ м.-рус. говорахъ; въ обще-русскомъ литературномъ языкѣ принято, какъ извѣстно, удареніе 2 л. мн. *твори́те, те́рпите.* Въ Южно-Карпатской Руси указанныя ударенія встрѣчаются въ большинствѣ говоровъ, въ томъ числѣ и въ говорѣ села Лучекъ.

---

[1]) Подобно и слова книжнаго происхожденія, перешедшія въ народную рѣчь изъ церковнаго языка, носятъ на себѣ тотъ же отпечатокъ „неподвижности" ударенія; *повторі́те'лны̆* = посѣщающій повторительный классъ.

[2]) Т. е. въ русскихъ изданіяхъ церковныхъ книгъ по сравненію съ южно-славянскими. Ср. у Добровскаго: „de sede et mutatione Toni in Verborum Conjugatione nihil certi statuere ausim, cum is in libris a Serbis Sec. XVI editis multum differat a tono, quem russicae editiones antiquae et novae exhibent. Russi ex. gr. Infinitivorum in сти et щи terminatorum ultimam tono afficiunt: блюстѝ, понестѝ, стрещѝ, Serbi penultimam: блю́сти, поне́сти, стре́щи. Russi ultimam primae personae signant: живꙋ̀, градꙋ̀, могꙋ̀, рекꙋ̀, Serbi penultimam: жи́вꙋ" и т. д. („Instit.", 570 сл).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Однако, нужно сказать, что примѣры подобраны неудачно: глаголъ *писать* во всемъ русскомъ языкѣ, въ томъ числѣ и въ ю.-к. рус. говорахъ, имѣетъ во 2 л. мн. удареніе исключительно *пи'шете*. Возможность такой ошибки свидѣтельствуетъ, какъ сказано, объ утратѣ, вслѣдствіе долголѣтняго пребыванія въ ужгород. епархіальномъ центрѣ, непринужденности и непосредственности въ соблюденіи акцентныхъ обыкновеній родного говора. Въ связи съ этимъ находится дальнѣйшее замѣчаніе Попа-Лучкая объ удареніи въ 1-мъ лицѣ наст. вр. глаголовъ въ русскихъ и „хорватскихъ" церковныхъ книгахъ (пишꙋ, несꙋ, творю, живꙋ въ рус. книгахъ — противъ пи́шꙋ, не́сꙋ въ „хорватскихъ", 136), не вызвавшее никакого упоминанія о состояніи въ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи, гдѣ въ отношеніи 1-го л. глаголовъ обнаруживается, въ отдѣльныхъ говорахъ, подобное же различіе. Ср. въ говорѣ рѣки Турьи: не только *несу', везу', живу'*, но и *пишу', тешу', люблю'* — противъ *пи'шу, те'шу, лю'блю* въ иныхъ говорахъ (береж., ю.-мороморышск.)[1]). Именно въ большинствѣ южно-карпатскихъ русскихъ говоровъ обнаруживаются послѣдствія происшедшаго выравниванія („униформированія") ударенія въ формахъ наст. вр. глаголовъ: *несу', несе'ш, несеме', несете'* — противъ *пи'шу, пи'шеш, пи'шеме, пи'шете.*[2]) Наконецъ, высказываясь о невозможности „опредѣлить мѣсто ударенія посредствомъ правилъ" („sedem toni regulis definire") (140), Лучкай устанавливаетъ вкратцѣ общій характеръ ударенія въ его родномъ южно-карпатскомъ русскомъ нарѣчіи, по сравненію съ русскимъ языкомъ въ Россіи и съ „хорватскимъ": „Rutheni достаточно соблюдаютъ ударенія, но все же во многомъ отступаютъ какъ а Russis (отъ русскихъ людей въ Россіи), такъ и отъ хорватовъ; напр. оцѐт, слꙋга̀, ло́за и т. д." (138). Выше Попъ-Лучкай приводитъ для изданій, напечатанныхъ „in Russia aut Polonia", въ качествѣ русскихъ примѣровъ (Russici), слꙋга́, лоза́, нога̀, изъ венеціанскихъ изданій слꙋ́га, ло́за, но́га (133). Дѣйствительно, въ Южной Россіи слышится произношеніе мрус. *о'цет*, р. *о'цту* (такъ же звучитъ это слово въ галицкихъ и буковинскихъ говорахъ), въ Южно-Карпатской Руси то же слово имѣетъ удареніе на окончаніи: *оце'т*, р. *ӯцту'* (ю.-мороморышск. р. *ӯсту'*).

Синтаксисъ („De syntaxi. Ѿ сочиненіи", 139 слл.), хотя и излагается по Добровскому, однако, часть примѣровъ взята Попомъ-Лучкаемъ изъ южно-карпатской русской народной рѣчи. Среди этихъ примѣровъ встрѣчаемъ пословицы, которыхъ, какъ видно, въ его распоряженіи, благодаря его богатой памяти, было достаточно, какъ о томъ свидѣтельствуютъ отпечатанныя въ особомъ приложеніи, въ концѣ книги, „Adagia Ruthenica" (159 слл.), представляющія первое собраніе этого рода. Старость не радость (139), много бесѣды, мало слꙋхати (140) — эти пословицы служатъ: пер-

---

[1]) Въ южно-мороморышскомъ даже *пла'чу* „solvo", при отсутствіи глагола *пла'чу* „fleo", вмѣсто чего *реву', рева'ти* или *рюву', рюти' (р'ӯу', р'ӯті')*.

[2]) Ср. примѣры такого состоянія въ описаніи *О. Брока*, Zum Kleinrussischen in Ungarn, AslPh., XVII, 403 слл.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

вая примѣромъ отсутствія связки („ipsam copulam jam esse apertam, jam clausam, jam subintellectam"), вторая — поясненіемъ къ правилу о томъ, что „правильнѣе пользоваться ед. числомъ въ соединеніи съ именемъ собирательнымъ". Согласованіе прилагательнаго съ существительнымъ въ родѣ и числѣ показано на примѣрѣ: красна бесѣда веселит, грозна страшит (140). Для поясненія замѣны винительнаго именъ одушевленныхъ родительнымъ приведена пословица: пріймай гостя по видꙋ и гости его по бесѣдѣ (148)[1]). Нѣкоторыя поясненія Лучкая касаются исключительно южно-карпатскаго русскаго нарѣчія. „Является злоупотребленіемъ, если существительное стоитъ въ вин. множ., соединять съ нимъ прилагательное въ род. множ.: не мож найти добрых кони, вмѣсто коней или добри кони" (141). Это замѣчаніе, упомянутое уже выше, на первый взглядъ странное, ибо предвидящее случай, едва ли въ дѣйствительности возможный, находитъ свое объясненіе на почвѣ звуковыхъ особенностей ю.-карп. русскихъ говоровъ, въ большей части которыхъ окончаніемъ р. мн. является *-и* (*-і*): *ко́ні*, при им. мн. *ко́н'і*, что́ въ правописаніи Лучкая совпало бы въ одномъ начертаніи кони. Въ синтаксисѣ Лучкай опять повторяетъ свое мнѣніе о томъ, что „мн. ч. прилагательныхъ въ простонародной русской рѣчи (in comuni Ruthenica) на ѣ есть окончаніе двойственнаго числа: краснѣ телята, бѣлѣ коровы. Но плохо, когда это окончаніе переносится на муж. родъ: добрѣ люде, вмѣсто добри люде" (141); ср. выше, 281. Въ сокращеніи *его* въ *го* и въ энклитическомъ присоединеніи *го* къ глаголу Лучкай видитъ сходство съ италіанскимъ: „винительный его ставится in Ruthenica послѣ глагола и е опускается: дайго, оставлюго, оубїюго; подобно у итальянцевъ: averlo, darlo, mangiarlo" (143); для большаго сходства Лучкай заимствовалъ и способъ слитнаго написанія глагола съ энклитикой. Употребленіе въ церк.-славянскомъ дат. *ми, ти, си* взамѣнъ мѣстоименій притяжательныхъ сходно съ подобнымъ же явленіемъ въ ю.-к. русскомъ нарѣчіи: „то же наблюдается и въ русскомъ (in Ruthenica): где ти отец, ubi pater tuus; дай ми матери, des meae matri" (144). Этотъ способъ выраженія обыченъ во всѣхъ говорахъ южно-карпатской русской языковой области. Въ ученіи о падежахъ („Syntaxis regiminis", 146 слл.) замѣчанія, касающіяся соединенія предлоговъ съ тѣми или иными падежами, являются повтореніемъ того, что́ отмѣчено въ главѣ о предлогахъ. „In Ruth. solum чрез et през usuatur, e. g. ... през все лѣто, през водꙋ, преишел есмь ти чрез, през разꙋм" (146); „на, над, itidem ad quaestionem quo? не иди на высотꙋ скоро, бо спаднꙋти можеш" (ib.) и т. д. Особо упомянуто *про*: „русскіе люди (Rutheni) употребляютъ про съ вин.: про твою землю дꙋшꙋ не оутрачꙋ" (147). Говоря о замѣнѣ винительнаго именъ одушевленныхъ родительнымъ, Лучкай ограничиваетъ это явленіе ед. ч., по причинѣ

---

[1]) Нѣкоторые изъ приводимыхъ Лучкаемъ примѣровъ, похожихъ на пословицы, относительно своего происхожденія вызываютъ сомнѣніе, напр. *красно бесѣдует пріятель, правду кажет непріятель* (139); *много людей, мало человѣ́ка; един кол и жердь не вробят заграду* (140).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

совпаденія вин. ед. съ им.; „въ мн. ч., вслѣдствіе наличія особыхъ окончаній для им. и вин., это двусмысліе устранено“, а потому „въ русскомъ (in Ruthenica), если ничѣмъ инымъ не обусловленъ родительный, употребляется винительный: продам волы, кѹплю кони. Винительный именъ неодушевленныхъ только въ томъ случаѣ передается посредствомъ родительнаго, если рѣчь идетъ о части предмета: наклади огнѧ, дай воды, напечѹ хлѣба“ (148). И кромѣ сихъ случаевъ, нѣкоторые разряды обозначеній неодушевленныхъ предметовъ, напр., названія деревьевъ, всегда употребляются въ род. падежѣ, вмѣсто винительнаго, даже когда нѣтъ представленія о части; ср. лучанск. *уіазаў сно'па, л'і'сті на ду'ба* и т. п.; то же и во всѣхъ говорахъ. Родительный при глаголѣ *сокотитися* „беречься“ (сокотисѧ человѣка, не имѣющаго что втратити)[1]) толкуется, какъ особенность „возвратныхъ глаголовъ со значеніемъ дѣйствительнаго залога“ („verba reflexa activae significationis, — non neutrius“, 148), требующихъ родительнаго взамѣнъ винительнаго. Въ настоящее время, какъ извѣстно, причина такого явленія усматривается въ самомъ родительномъ, вслѣдствіе совпаденія въ немъ функціональныхъ особенностей двухъ старыхъ падежей, родительнаго и аблатива. Остальные принадлежащіе сюда глаголы: *избѣгать, бояться, стыдиться* и т. п. Попомъ-Лучкаемъ не упоминаются. Различіе съ церк.-славянскимъ онъ отмѣчаетъ относительно глаголовъ *напитати, напоити, наполнити, насытити*, при которыхъ „родительному средства“ соотвѣтствуетъ въ русскомъ творительный: „такъ какъ этимъ родительнымъ замѣщается, украшенія ради, творительный падежъ, то русскіе люди (Rutheni) пользуются творительнымъ: напой насъ виномъ“ (149). При объясненіи родительнаго при означенныхъ глаголахъ въ церк.-славянскомъ Попъ-Лучкай исходитъ изъ представленія, лежащаго въ основѣ русскаго способа выраженія, и потому „родительный средства“ („genetivus mediorum“) оказывается лишь стилистической замѣной творительнаго. Въ дѣйствительности подобныя церк.-славянскія выраженія, какъ: насыти насъ небесныхъ твоихъ благ (ib.), пользуются родительнымъ въ томъ же смыслѣ, какъ приводимые отдѣльно отъ сего примѣры: *дай воды* (148, ср. выше), то-есть, на основаніи того же представленія о части. Далѣе говорится о родительномъ при сравнительной степени: „сравнительная степень всегда требуетъ родительнаго: большій пророка Іоанна Крестителѧ никогда же не есть, Лук. 7, 28; часто соблюдается также въ русскомъ (in Ruthenica) меншій мене, но чаще въ соединеніи съ ѿ: богатшій ѿ мене“ (149). Южно-карпатскому русскому нарѣчію извѣстно лишь *отъ* при сравнительной степени, посредствомъ котораго усиливается, какъ извѣстно, основное значеніе въ данномъ случаѣ родительнаго, какъ аблатива. Въ главѣ о дательномъ падежѣ (150 сл.) лишь одно замѣчаніе касается русскаго языка: „въ русскомъ предлогъ ид обозначаетъ к *(ad)* и соединяется съ дательнымъ: пой идо мнѣ, veni ad me,

[1]) Глаголъ *сокотити* „беречь, охранять“ принадлежитъ говорамъ восточной половины южно-карпатской русской области; < рум. *socoti*.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

не иди ид немъ, златый ключь ид каждым дверем придается“ (151). Эти примѣры въ родномъ говорѣ Лучкая звучатъ: *поі до̂'-мн'î, не іді̂' д-н'о'му; ід* (обыкновенно съ редуцированнымъ [*і̂*]) слышится лишь при стеченіи согласныхъ. Относительно за, post, vero, отъ котораго Попъ-Лучкай производитъ ю.-к. рус. з' (т. е. собственно [*і̂*]*з*): „Ruth. не иди за мнов, не идȣ з' ним, non i post me, non ibo post illum“ (152), упомянуто уже въ связи съ предлогами. Одна особенность южно-карпатскаго русскаго нарѣчія (восточной половины говоровъ), состоящая въ томъ, что предлогъ *по* сохраняетъ въ ед. числѣ соединеніе съ дат. (*хо'діш' по са'ду*), а въ множ. числѣ соединяется съ мѣстнымъ (*хо'диш' по сада'х*), побудила Лучкая усмотрѣть и въ первомъ случаѣ мѣстный падежъ. „Locativus regitur per praepositionem... по: звоны хвалятся по голосȣ (loc.), человѣк по бесѣдѣ“ (153). Дат. *по голосу* Попъ-Лучкай отнесъ къ тому разряду мѣстныхъ на *-у*, о которыхъ онъ упоминаетъ въ примѣчаніяхъ къ склоненію мужескихъ именъ: „мѣстный на ȣ наблюдается также въ простонародной рѣчи (in comuni): на жирȣ, на верхȣ“ (38, ср. выше, 21-22). Въ дѣйствительности обычныя въ ю.-к. русской рѣчи выраженія *по саду', по селу', по го'лосу* являются дат. падежами: мѣстный звучитъ *у̯ сад'і̂', у̯ сêл'і̂'* и т. д. Наконецъ, Попъ-Лучкай отмѣчаетъ, вслѣдъ за ц.-слав. примѣрами употребленія мѣстнаго падежа отъ „названій мѣстностей, городовъ и обозначеній времени“ безъ предлоговъ: Рѣмѣ[1]), Москвѣ, зимѣ, нощи, таковые же русскіе: „in Ruthenica frequens лѣтѣ, полȣдни“ (153). Однако, въ дѣйствительности подобные мѣстные падежи, которые, по анологіи иныхъ русскихъ нарѣчій (сѣв.-рус. *лони'* и т. д.), должны бы употребляться въ значеніи нарѣчій, южно-карпатскимъ русскимъ говорамъ не извѣстны. Ср. ю.-мороморышск. *л'і̂'шом, зімоу̯', лучанск. у̯-л'і̂'ш'і̂, у̯-зім'і̂', з.-земл. г-лоні.*

Едва-ли не самой замѣчательной частью грамматики М. Лучкая являются приложенные къ ней „Образцы русскаго стиля“ („Specimina styli Ruthenici“, 151 слл.). Эти „Specimina“ соотвѣтствуютъ подобному же приложенію въ „Institutiones“ Добровскаго („Specimina e codicibus diversae aetatis“, 672 слл.), хотя по содержанію между обоими, разумѣется, никакой связи не существуетъ. Въ „Образцахъ русскаго стиля“ Лучкай помѣстилъ произведенія различнаго происхожденія, и было бы ошибочно думать, что всѣ они дѣйствительно народныя.

На первомъ мѣстѣ помѣщено семь краткихъ разсказовъ (точнѣе — басенъ). Къ этимъ разсказамъ Лучкай дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „эти разсказы изложены (сочинены, descriptae) такъ, какъ если-бы ихъ разсказывалъ необразованный селянинъ (hae narrationes ita sunt descriptae, prout litterarum expers ruricola narraret); я для того такъ тщательно передаю этотъ способъ рѣчи (ideo tam genuine exprimo hunc loquendi modum), чтобы было видно, насколько этотъ языкъ удаленъ отъ библейскаго“ (158). Уже изъ этого объясненія слѣдуетъ, что означенные разсказы не являются народными, а только передаются въ такомъ

[1]) Объ этомъ написаніи ср. выше, 14.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

видѣ и такимъ языкомъ, какъ если-бы ихъ разсказывалъ простой земледѣлецъ. Слѣдовательно, авторъ не знаетъ ихъ со словъ народа и селянинъ ихъ ему не разсказывалъ; авторъ старался лишь приспособить посторонній, готовый матеріалъ подъ южно-карпатскую русскую народную рѣчь, подъ способъ выраженія, привычный ему съ дѣтства, какъ знатоку родного говора. Откуда заимствовалъ Попъ-Лучкай для своихъ „Specimina" эти разсказы? Отвѣчать на этотъ вопросъ было-бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если-бы удалось просмотрѣть нѣкоторыя изданія того времени, въ особенности учебники, печатавшіеся въ Будинѣ, въ типографіи университета.[1]) На иноязычный источникъ указываютъ нѣкоторыя частности словаря этихъ разсказовъ: поневач („Дикій и сѣльскій человѣк", 155), вмѣсто лучанск. *прӯшто* „почему", ср. словацк. *poneváč,* чешск. *poněvadž;* сюда же можетъ относиться и тыква („Тыква и дȣб", 154), вм. ю.-к. рус. *дыня,* ср. словацк. и чешск. *tykva* (хотя это слово могло бы происходить и изъ русскаго книжнаго языка). Вообще же языкъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ „Specimina", не однороденъ, содержа много такого, что́ въ лучанскомъ говорѣ не извѣстно. Сюда нужно отнести прежде всего книжный видъ нѣкоторыхъ словъ: замѣну полногласныхъ формъ церк.-славянскими (преросла, превысила, 154, сред хижи, 155), послѣдовательность въ передачѣ *i̯* между гласными въ глагольныхъ окончаніяхъ, при сохраненіи подавленія *i̯* въ тв. ед. именъ ж. р. (паров розгрѣвȣю, заслȣжȣю, издыхаючи, 156, мершов не жїю, 157, маю, 158 и т. д.), устраненіе *у-* < *вы-* (выскочил, вывернȣлисѧ, 156, пищалков, выслȣхана, 157); междȣ, 157, вм. *межи;* къ церковно-славянизмамъ слѣдуетъ отнести: в цѣлѣм лѣсѣ, 154, вмѣсто *цѣлом,* что́, по способу правописанія Лучкая, передавало бы *-ӯм* < *-ōм;* (ср. выше 15). Искусственностью правописанія объясняется *дому* (обтеше лѧци и принесе домȣ, „Мȣж и жена", 155), что́ должно соотвѣтствовать лучанск. *домӯу̯́* „домой" (< *домōвь*); въ передачѣ его, какъ видно, Лучкай затруднялся.[2]) Къ воздѣйствію иныхъ говоровъ, при посредствѣ, повидимому, разговорнаго языка ужгородскаго епархіальнаго центра, относятся: *же, жебы,* вмѣсто лучанск. *ож, обы* (сталосѧ, же впало зернѧ, 154, вижȣ, же ѧ лем тыква, ib., видѣв, же и щȣка изгибат, 156, видит, же ни еден не рȣшатсѧ, 156 сл., сто жолȣди треба, жебы сѧ еден вепер[ь][3]) нѣл, 154), *абы,* вмѣсто *обы* (абы го прожерла, 156), *20 роки* (ȣ 20 роки раз ȣродиш, за 20 роки ѧловый есь, ib.), вмѣсто лучанск. *ро́кӯ*[*у̯*], слышится въ такомъ видѣ въ цотацкихъ говорахъ; однако, *сто жолуди* (колько сто жолȣди треба, жебысѧ еден вепер[ь] нѣл, ibid.) есть правильно образуемый въ ю.-карп. рус-

---

[1]) Въ Букварѣ 1816 года, напечатанномъ въ Будинѣ для Галичины, подобныхъ разсказовъ нѣтъ.

[2]) Въ иныхъ говорахъ на правомъ берегу Латорицы (въ ужскомъ, мороморышскомъ, вост.-землинскомъ) это слово звучитъ *до̂мӯ́* „домой", однако, нѣтъ причины предполагать, что Лучкай подражалъ въ данномъ случаѣ ужскому говору, ибо онъ сознательно передавалъ говоръ на *ӯ* родного села, какъ показано выше.

[3]) Пропускъ *ь* здѣсь опечатка; ю.-к. рус. *в'е̂п'е̂р'*.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

скихъ говорахъ род. мн., самимъ Лучкаемъ признаваемый за им. мн. (*кони* и *коней* 141, ср. выше 23)[1]). Книжнымъ нужно считать слово *сѣмя* (не давно́м сѣмѧ было, „Тыква и дꙋб", 154), въ ю.-к. русскомъ нарѣчіи употребляемое въ значеніи коноплянаго сѣмени[2]); тыквенныя зерна называются *зê'р'н'аша* (ед. *зê'р'н'а* лучанск., или *шчупкы'* ю.-мороморышск., сѣмена вообще — *нас'î'н'а*).

Уже этотъ краткій разборъ языка, на которомъ написаны разсказы „Образцовъ русскаго стиля", достаточно ясно подтверждаетъ наше мнѣніе о томъ, что разсказы эти, не являясь народными, взяты изъ какого-либо печатнаго источника, отчасти, можетъ быть, иноязычнаго, и переведены или приспособлены въ отношеніи рѣчи и изложенія такъ, „какъ если-бы разсказывалъ ихъ необразованный селянинъ (prout litterarum expers ruricola narraret)". Нужно признать, что эта послѣдняя задача выполнена Лучкаемъ удачно и что родной его говоръ переданъ въ разсказахъ, за исключеніемъ отмѣченныхъ отступленій, довольно вѣрно.

Затѣмъ слѣдуютъ „Русскія пословицы" („Adagia Ruthenica", 158—165) и „Проклятія" („Imprecationes", 166). Вмѣстѣ съ помѣщенными въ концѣ „Specimina" „Загадками" („Aenigmata", 174—175), это — цѣнное, первое по времени въ Южно-Карпатской Руси, печатное собраніе подлинныхъ произведеній народной устной словесности южно-карпатскаго русскаго народа. Самая мысль о помѣщеніи въ „Specimina" народныхъ русскихъ пословицъ могла явиться у Лучкая подъ воздѣйствіемъ подобнаго же собранія мадьярскихъ пословицъ въ мадьярской грамматикѣ Франца Вершеги, вышедшей въ Будинѣ въ 1821 году (503—511)[3]). Можно предполагать, что вошедшія сюда пословицы, сравненія, поговорки, загадки были извѣстны Попу-Лучкаю съ дѣтскихъ лѣтъ и возобновлялись въ памяти при посѣщеніяхъ родительскаго дома и родственниковъ въ родномъ селѣ въ послѣдующее время; такъ, напр., около года Лучкай провелъ въ Великихъ Лучкахъ по окончаніи богословскихъ наукъ въ Вѣнѣ и послѣ рукоположенія своего во священника, исполняя должность помощника при настоятелѣ мѣстнаго уніатскаго прихода, до своего назначенія въ Ужгородъ, въ канцелярію епископа[4]). Нѣтъ основанія думать, что Лучкай занимался собираніемъ народныхъ поэтическихъ произведеній систематически, а потому вѣроятно, что онъ сдѣлалъ свои записи только для сего случая, предназначая ихъ для помѣщенія въ своей книгѣ и не ставя себѣ въ этомъ отношеніи самостоятельной задачи, возможно — отчасти по памяти.

Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ сравненіе пословицъ, записанныхъ въ грамматикѣ Лучкая, съ тѣми, какія въ настоящее время извѣстны въ В. Лучкахъ. Прежде всего у Попа-Лучкая замѣтны нѣкоторыя отступленія въ языкѣ. Разумѣется,

---

[1]) *жô'луд'* въ лучанск. — муж. рода.

[2]) *с'îмн'а* говорятъ, кромѣ „конопли", также о „головкахъ мака", о сѣменахъ „укропа" *(укрў'п)* и цвѣтовъ.

[3]) Verseghy F., Magyar grammatika avvagy Nvelvtudomány, Будинъ 1821.

[4]) Вас. Гаджега, Михаил Лучкай, 25 сл., 28 сл.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

при этомъ нельзя принимать въ разсчетъ такихъ особенностей книжнаго происхожденія („образованнаго произношенія"), которыя внесены намѣренно, вслѣдствіе принятыхъ въ грамматикѣ правилъ правописанія; однако, и за вычетомъ послѣднихъ, остаются нѣкоторыя замѣтныя разности, указывающія на привнесеніе посторонняго діалектическаго матеріала, воздѣйствовавшаго на автора въ Ужгородѣ. Ср., напримѣръ, слѣдующее сопоставленіе, на основаніи провѣрки пословицъ Попа-Лучкая, произведенной текущимъ лѣтомъ на мѣстѣ[1]):

„Adagia" Попа-Лучкая:	Наша провѣрка:
Поклѧ сл҃нце изыйде, роса очи выѣсть. Roma deliberante Saguntum perit (162).	*до'кў со'нце (і)зы̯і'де, роса' во̂'ч'і у'і̂с'ш'.*
На старом огнискꙋ — ватрѣ — легко огнѧ роскласти. Patrimonio adiutus facile ditescit (164).	*на старў'м огні'ш'ч'у до̂бр'і̂' огі̂'н' кла'сті.*
Нач свини монастѣ. Qui non scit aestimare (ibid.).	*на'што свіні' моні'ст'ата.*

Изъ сравненія этихъ записей видно, что разница въ нихъ касается словъ, которыя у Лучкая передаются въ характерномъ для западныхъ говоровъ видѣ: зап.-землинск. *до'кал', до'кл'а, по'кал', по'кл'а,* лучанск. *до'кі* или *до'кў;* зап.-землинск. *огніско, топорі'ско, хло̂ич'і̂ско,* чему въ восточныхъ говорахъ соотвѣтствуютъ, вообще, образованія посредствомъ *-ище (огні'ше, топорі'ше, хлопчі'ше),* причемъ въ лучанск. говорѣ извѣстны обѣ возможности, однако *-иско* ограничено словами со значеніемъ увеличительныхъ *(хлопчі'ше* или *хлопчі'ско, корові'ше* или *корові'ско),* въ связи съ чѣмъ *огні'ско* (или *огні'ше)* значитъ „великій огонь", значеніе же „мѣста, гдѣ раскладывали огонь" пріурочено исключительно къ образованію посредствомъ *-ище (огні'ше);* вмѣсто зап. *нач'* (наряду съ *наштo),* въ восточныхъ говорахъ слышится лишь послѣднее *(на'што);* наконецъ, монастѣ нужно признать опечаткой или недоразумѣніемъ, вмѣсто правильнаго *мони'ста* мн., *мони'стята.* Подобныя, неизвѣстныя родному говору и не являющіяся книжными, слова, внесенныя подъ воздѣйствіемъ окружающей языковой среды въ епархіальномъ центрѣ, свидѣтельствуютъ въ пользу предположенія о томъ, что пословицы были отчасти записаны, вѣроятно, по памяти. О томъ же говоритъ измѣненный (сокращенный) видъ нѣкоторыхъ пословицъ, напр.:

Прочтѡ циган клѣщи держит (159).	*за тото' ці̂гані'н кл'і̂ш'ч'і̂' де'ржіт', ў̯бы' с'а не сп'ўк.*
Клин клином выбивати. Malum malo curatur (ibid.).	*клі̂н клі̂ном убі'ват', а ў̯ні' ў̯ба' опстаў̯у'т'.*
Страх болшій ѿ переполохꙋ. Terror major terrente (ibid.).	*гў'ршы̯і страх, гі б'і̂да'.*

[1]) При этой провѣркѣ пословицъ оказалъ мнѣ содѣйствіе священникъ сосѣдняго съ Лучками села Горонды, о. Димитрій Бѣляковъ, за что приношу ему искреннюю благодарность.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Слово *переполох* въ лучанск. неизвѣстно; говорятъ *поло'шыші (іді' споло'ш гу'сі), переполо'шеныі, полохіі'* или *лі'хіі = дурныі' по на'шôму слô'ух.*

Одна пословица оказалась загадкой:

К лѣсѣ дрыва рꙋбютсѧ, а до села трѣски падают. De alio sermo est, alteri nocetur (159).	*уга'нуухш'* „угадываютъ“: *ух сêл'î' дрыха' руба'ухш', а ух л'îс шр'îскі' фы'ркахуш' (=дзвўн).*

Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительными варіантами, а съ неточной или не полной передачей пословицъ.

Впрочемъ, о варіантахъ трудно рѣшать на основаніи теоретическихъ соображеній; вопросъ тутъ можетъ быть только въ томъ, существуетъ ли данный варіантъ въ дѣйствительности въ устахъ народа, или только на бумагѣ, вслѣдствіе неправильной записи. При этомъ нужно имѣть въ виду, что и въ народѣ не всѣ люди являются одинаковыми знатоками пословицъ и не каждый знаетъ всѣ пословицы; весьма часто же, въ бесѣдѣ, ограничиваются намекомъ на извѣстную всѣмъ пословицу (ср. выше: **прошто циган клѣщи держит**), ибо собесѣдникъ по первому слову угадываетъ недосказанное. Дѣло собирателя установить и записать точный (полный) текстъ пословицы, а не произвольно измѣняющееся, въ зависимости отъ разговора, приспособленіе ея къ частному случаю; при разспросѣ обыкновенно указываютъ и варіанты, если таковые имѣются (*„говорятъ такъ и такъ“*). Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ варіантовъ Лучкая (каковыми они представляются по сравненію съ нынѣшнимъ видомъ пословицъ) возникли означеннымъ выше способомъ. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

Чорт чортом бꙋде. Itur ad antiquas transacto Paschate sylvas (158).	*чорш чо'ршом бôх і бу'де.*
Масной бесѣды. Svavishomo (159).	*масно'[і]î б'ê'с'îды ае'бо брехa'ч.*
Кам дале до лѣса, тым болше дровъ. Quo plus bibuntur, plus sitiuntur aquae, quo magis se enodare cupit infelix, in novas incidit calamitates (ibid.).	*чім да'лише х-л'îс, що бў'лише дрых,* или: *чім глу'пше х-л'îс, тым бў'лише дрых.*
Каждомꙋ добрый, себѣ злый (ibid.).	*ко дру'гôму до'брыі, шош сôб'î' пў'лльі,* или: *шко кô'ждôму до'брыі, ша сôб'î' пў'лльі.*
Нападе коса на камень. Non emanet poena peccati (160).	*напа'ла* (или *шра'філа) коса' на ка'м'îн'.*
За добров хвѣлов злꙋ жда́й. Post nubila phoebus (ibid.).	*за до'брôх хв'îл'ох бу'де зла.*
Порожнѧ бочка голоснѣйше звинит. Quo rudior eo loquacior (161).	*пôрô'ж'н'а гуді'ш', а пôх'на мôхчі'ш'.*

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Ѹсолодилсѧ, ѧк черват(!) во хрѣнѣ. De gustis(!) non est disputandum (162).	*у'ії̂ус'а, ія̯к черва'к у-хр'ін'.*
Из чѹжаго конѧ излѣсти и сред болота. Res clamat ad Dominum (ibid.).	*іш' ч'ужо'го ко̂н'а' серед болота* (или *серед воды'*) *до̂л'ўу тре'ба л'і'сті.*
Голодномѹ и овсѧник добрый. Fames optimum condimentum (ibid.).	*голо'нно̂му хл'іб на га''тц'і.*
Где черт сам не застигат, бабѹ посилат(!) (163).	*де чорт сам не мо'же, там ба'бу зажене'.*
На злодѣи шапка горит. Male conscius solus sui accusator fit (ibid.).	*на зло̂'д'ії̯у ша'пка горі'т', а зло̂'д'ії̯ с'а ніч не творі'т'.*
Приберi пнѧ, дай мѹ имѧ, бѹде из него человѣк. Etiam ex trunco fit mercurius (ibid.).	*прібері' і пн'а, то наі̯де'ш му мн'а.*
Гѹсем тармо. Ineptus ad officium altius (164).	*гу'с'ом і̯ар'мо', а то̂б'і' гўхно'.*

Послѣдняя пословица доказываетъ, что иногда Лучкай производилъ измѣненія (сокращенія) намѣренно, опуская представлявшіяся неподходящими для печати выраженія (obscoena). Въ одномъ, однако, случаѣ подобное выраженіе осталось, ускользнувши отъ вниманія автора: на пнѧ, а не на человѣка можно сикати. Noveris neminem impune offenderis(!) (163). При провѣркѣ, изъ общаго числа отпечатанныхъ у Лучкая пословицъ (103), около двухъ третей оказались записанными въ томъ видѣ, какъ онѣ и нынѣ извѣстны въ В. Лучкахъ[1]).

Еще болѣе точное соотвѣтствіе наблюдается относительно сравненій („A similitudine petita", 165 сл.). Нѣкоторая разница замѣчена только въ двухъ случаяхъ:

Горох на нем молоченный. Variolatus (165).	*чорт горо'х на-н'ўм молоті̯х'.*
Говорит, ѩк бы кѹпити ѿ него. Tardiloquus (ibid.).	*от того' сло'хо тре'ба купі'ті.*

Подобной же точностью отличаются записи проклятій („Imprecationes", 166). Слѣдуетъ замѣтить, что въ составъ „Imprecationes" вошли лишь дѣйствительно недоброжелательныя восклицанія этого рода, между тѣмъ какъ въ В. Лучкахъ въ большомъ ходу также и составленныя по образцу проклятій добродушныя шутки, напр., *тад бесте с'а ма'лі, і̯ак у с'ату' нѐд'і'л'у зѐмл'а'.* Впрочемъ, оба отдѣла („A similitudine petita" и „Imprecationes")

[1]) Только три пословицы оказались въ народѣ совершенно неизвѣстными, а именно: трѹба́ на псѧ, звон на человѣка. Quivis naturae suae conformiter tractari debet (158); на рожен ма́хати, с' рогатым бостисѧ. Cum fortiori non est congrediendum (160); ѡ(т) огнѧ бѣжѹ, во водѹ ска́чѹ. Ex una ad aliam calamitatem incido (165).

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

представляютъ весьма краткіе по объему списки (21 сравненіе и 7 „imprecationes“).

Затѣмъ слѣдуютъ „Народныя пѣсни“ („Cantilenae populares“, 166—174). Здѣсь помѣщено 11 пѣсенъ, въ томъ числѣ двѣ солдатскія, извѣстная по всей Южно-Карпатской Руси длинная шуточная пѣсня: Косил заяц отáвꙋ (168 слл.)[1]) и одна пѣсня, которая не является народной, а принанадлежитъ перу Василія Довговича (Заспѣвáй ми зозꙋленько кꙋ, 175). Извѣстно, что языкъ пѣсенъ часто не соотвѣтствуетъ говору мѣстности, гдѣ онѣ поются, а потому на основаніи языковыхъ признаковъ трудно дѣлать заключенія о томъ, зналъ ли Лучкай эти пѣсни изъ Великихъ Лучекъ, или онѣ взяты изъ иного источника. Въ пѣснѣ: „Скажи минѣ правдꙋ“ (171 сл.) наводятъ на размышленіе полонизмы: шлюб брати „вѣнчаться“ (ю.-к. рус. *божы'ціс'я,* зап. *пріс'агаці,* также *в'ін'ч'аціс'а),* альбо „или“ (ю.-к. рус. *або, айбо, вадь, авадь* < *мад. avagy),* что̀ могло бы указывать на галицкій книжный источникъ; однако, если принять во вниманіе, что населеніе В. Лучекъ постоянно пополнялось батраками, работавшими въ имѣніи графа Шенборна, въ числѣ которыхъ были люди не только съ разныхъ мѣстъ Южно-Карпатской Руси, но и пришельцы изъ Галичины, поляки и галичане, и даже румыны, то возможно, что подобныя пѣсни заносились туда изъ Галичины. Вообще же, въ отношеніи языка, нѣкоторыя пѣсни обнаруживаютъ признаки западныхъ говоровъ: вóйна... выволана, же „что“, жадномꙋ „никакому“ („Братѧ, что нового“, 166 сл.), ср. зап.-землинск. *волаці* „звать“ (чаще *кліка́ці),* *же* „что“, *жадны̯і* „жадный“ и „никакой“ (вост. *жадны̯і'* „жадный“); вел'каго (ibid. 167) не имѣетъ соотвѣтствія ни въ западныхъ, ни даже въ цотацкихъ говорахъ (зап.-землинск. *вел'кы̯і,* цотацк. *вел'ікі).* Тоже въ пѣснѣ „Косил заяц отáвꙋ“ (168 слл.): потлачꙋє, младенца (дрѣчнаго) „(дюжаго) молодца“, хтѣла, врабел(ь), выволали, гавран „воронъ“, срока „сорока“, артꙋх „передникъ“, швитка „быстрая“ имѣютъ соотвѣтствія большею частью въ смѣшанныхъ (цотацкихъ) говорахъ *(тлачіц, волац, млад'з'ен'ец* „молодой человѣкъ, женихъ“, *врабел', гавран)* или въ зап.-землинскомъ и шаришскомъ *(гарван* „воронъ“, *шхытко* „быстро“, шаришск. *кцела* „хотѣла“) и т. д.; встрѣчаются здѣсь и церк.-славянизмы (токмо, 170). Другія пѣсни, наоборотъ, указываютъ какъ своими языковыми особенностями, такъ и названіями мѣстъ на восточную половину южно-карпатской русской языковой области („Е Мꙋкачевском замкꙋ“, 167, „На Брꙋстꙋрах загрѣмѣло, на Шсиню блисло“ и прочія мороморышскія пѣсни на стр. 172).

Заканчиваетъ Попъ-Лучкай свое краткое собраніе „Образцовъ русскаго стиля“ слѣдующимъ восторженнымъ отзывомъ о народномъ поэтическомъ творчествѣ Южно-Карпатской Руси, который обнаруживаетъ въ немъ не только знатока, но и высокаго цѣнителя устной словесности своего народа. „Русскіе люди

[1]) Эту пѣсню пишущій эти строки слышалъ въ дѣтствѣ въ селѣ Чертежномъ (зап. Землинъ) отъ Максима Легоцкаго, отъ котораго дѣлалъ въ свое время записи галичанинъ Гнатюкъ, печатавшій ихъ въ своей передѣлкѣ.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

имѣютъ безчисленное множество загадокъ: гатка, заганка. Каждая вещь, подходящая подъ ихъ смыслъ, преподносится въ одѣяніи загадки и служитъ на сходкахъ (на вечерницахъ, in conventiculis) для развлеченія; весьма распространены также передѣлки или переложенія Величаній-Стихиръ и иныхъ священныхъ пѣсенъ (benedictionum), которыя обнаруживаютъ самое поразительное остроуміе (acutissimum ingenium produnt), приводя въ изумленіе даже литературно образованнаго человѣка живостью и мѣткостью выраженій, и которыя перечислять здѣсь обширнѣе запрещаетъ планъ сочиненія. Сами народныя сказки сочинены съ такимъ великимъ остроуміемъ, что даже среди болѣе образованныхъ народовъ едва-ли возможно было бы найти нѣчто подобное (ipsi mythi populares tanto sunt ingenio concinnati, ut inter cultiores gentes perperam simile quid quaesieris)“ (175 сл.).

Пародіи на величанія и стихиры, о которыхъ говоритъ здѣсь Лучкай, дѣйствительно до сихъ поръ существуютъ, и ихъ можно слышать преимущественно отъ дьяковъ; широкимъ распространеніемъ они не пользуются, что́ при глубокой религіозности южно-карпатскаго русскаго народа понятно[1]). Сходки, „conventicula“, упоминаемыя Попомъ-Лучкаемъ, не суть собственно „вечерницы“, гдѣ собирается преимущественно молодая челядь, а вечернія собранія старшихъ, когда жоны прядутъ, а мужчины упражняются въ повѣствованіи о старыхъ временахъ, ведутъ шуточные разговоры, пересыпанные мѣткими словами, или разсказываютъ сказки, исполненныя такого же замѣчательнаго остроумія. Иногда долгіе зимніе вечера посвящаются чтенію Псалтири *(псахты́р'а)*, и тогда въ перерывахъ между чтеніемъ и пѣніемъ, во время отдыха чтецовъ, происходятъ подобныя же веселыя словопренія. Въ особенности интересны бываютъ такія собранія, когда въ нихъ участвуютъ лучшіе разскащики села, и тогда образованный слушатель дѣйствительно приходитъ въ изумленіе, и можно вполнѣ признать, что восторженный отзывъ Лучкая соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, примѣръ Попа-Лучкая не нашелъ себѣ отклика въ сердцахъ ни современниковъ, ни послѣдующихъ поколѣній, и народное поэтическое творчество Южно-Карпатской Руси долгое время оставалось почти безъ вниманія. То, что напечатано до сихъ поръ, не даетъ даже приблизительнаго представленія о ея богатствѣ, а къ тому же знакомство съ ней основано большею частью на неудовлетворительныхъ записяхъ, отчасти представляющихъ произвольныя передѣлки, какъ это установлено, напримѣръ, относительно записей Вл. Гнатюка[2]).

---

[1]) Для примѣра привожу здѣсь одно подобное „величаніе“:

Велича́емъ тя, пьяни́сиче-шевче, и почитаемъ твой столе́ць, изъ дра́твы конѐць ай изъ канта́ра халанѐць.

(Припѣвъ:) Коли мы ся напіеме, за вôлôся ся т'ігаеме, по пудъ городи́ны ся перевертаеме.

Величаемъ тя, паленчана склянице, ꙋбесь ся сподобила по́пꙋмъ тай дякꙋ́мъ, тай тымъ б'ідным руснакꙋ́мъ.

[2]) Въ настоящее время записываніемъ произведеній народной словесности Южно-Карпатской Руси занимается неутомимая собирательница М. Г. Черепкова.

http://rusyns-library.org – «Русинська Библіотека - ИИФ въ Ужгородѣ» - "Библіотека Стефана Бендаса", 07.2015

Въ такомъ видѣ представляется трудъ Михаила Попа-Лучкая, первая печатная церк.-слав. и русская грамматика въ Южно-Карпатской Руси. Предшествовавшая ей грамматика конца XVIII в., уніатскаго іеромонаха Арсенія Коцака, уроженца Шаришскаго Буковца, осталась въ рукописи[1]). По сравненію съ этимъ сочиненіемъ, основаннымъ на Мелетіи Смотрицкомъ и старыхъ латинскихъ грамматикахъ, трудъ Михаила Попа-Лучкая представляется значительнымъ шагомъ впередъ, не только въ отношеніи способовъ грамматическаго изложенія, идущаго по стопамъ Добровскаго, но въ особенности въ смыслѣ яснаго разграниченія, проводимаго между церк.-славянскимъ („славяно-русскимъ") и собственно русскимъ языкомъ. Въ осуществленіи этой мысли Михаилъ Попъ-Лучкай былъ настолько послѣдователенъ и строгъ, что, желая показать свой родной русскій языкъ въ его отличіи, а вмѣстѣ и близкомъ сходствѣ (сродствѣ) со „старославянскимъ", онъ воспользовался для этой цѣли своимъ непосредственнымъ знаніемъ говора родного села, составивши такимъ способомъ первое грамматическое описаніе подлинной народной русской рѣчи. Однако, Михаилъ Попъ-Лучкай не былъ, въ отношеніи языка, ни новаторомъ, ни реформаторомъ. Руководился онъ, какъ было показано, исключительно научными и отчасти педагогическими соображеніями, не имѣя въ виду возводить свой родной говоръ („простонародную рѣчь") на степень языка литературнаго. Онъ всецѣло отстаивалъ взглядъ старины на „старославянскій" („славяно-русскій") языкъ, какъ на единственный языкъ образованія и церковно-народной культуры. Въ измѣнившейся со временъ Арсенія Коцака обстановкѣ 1830 года потребовалась, для подкрѣпленія устарѣвшей точки зрѣнія, цѣлая система доказательствъ, основанныхъ на односторонней оцѣнкѣ наблюдавшагося повсемѣстно развитія національныхъ литературныхъ языковъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, гдѣ замѣна славяно-русскаго языка обще-русской литературной рѣчью представлялась нежелательнымъ новшествомъ. Съ точки зрѣнія уніатскаго священника, воспитаннаго въ духѣ западной латинской образованности того времени, для котораго единственная національная особенность, по сравненію съ западомъ, родной страны заключалась въ поддержаніи (продолженіи) уцѣлѣвшихъ въ уніи остатковъ церковно-бытовой традиціи XVII–XVIII вѣка, защита указаннаго взгляда представляется естественной, нисколько не умаляя значенія труда Михаила Попа-Лучкая въ исторіи русской грамматической науки, какъ перваго опыта въ области научнаго изученія народныхъ русскихъ говоровъ, совершенно безотносительно къ тому, что эта грамматика позднѣйшей русской діалектологіи осталась почти неизвѣстной.

---

[1]) Грамматика рꙋсскаѧ сирѣчь правила извѣщателнаѧ и наставителнаѧ ѿ слово-сложенїи слова ѧзыка славенскагѡ или рꙋсскагѡ. См. И. Панькевичъ, Славяноруська граматика Арсенія Коцака другоѣ половины XVIII вѣка, Наук. Зб. Просв., V, 232 слл.